

114

**ВОПРОСЫ ТЕОРИИ
ПОЗНАНИЯ
ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО
МАТЕРИАЛИЗМА**

II

11

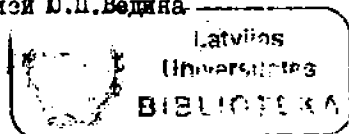
Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра диалектического материализма

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Выпуск 2

Республиканский межвузовский сборник
научных трудов

Под общей редакцией Ю.П.Ведина

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1976

В республиканском межвузовском сборнике научных трудов помещены статьи, посвященные вопросам теории познания и методологии научного исследования, в том числе философскому наследию И.Канта и его значению для разработки марксистской гносеологии.

Сборник предназначен для студентов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ЛГУ им.П.Стучки от 28 ноября 1975 года

© Латвийский государственный университет им.П.Стучки, 1976

В IO502-004y 190-76
М 812(II)-76

КАТЕГОРИИ "СУБСТРАТ" И "СУБСТАНЦИЯ" КАК СТУПЕНИ ПОЗНАНИЯ

В настоящее время в философской литературе можно встретить утверждения о своеобразном обесценении категорий субстрата и субстанции, что вызывает справедливую озабоченность среди философов-марксистов (13). История философии свидетельствует, что систематическая критика этих категорий так или иначе всегда имела место. Своеобразие настоящего момента состоит в том, что критика этих категорий опирается на ряд значительных методологических сдвигов, происшедших в научном познании за последние десятилетия. Прежде всего сюда следует отнести становление системно-структурных исследований.

Успехи системных методов выявили ограниченность субстратной точки зрения при объяснении сложноорганизованных объектов. Характернейшей особенностью этих объектов является относительная самостоятельность функциональных связей элементов по отношению к самим элементам, что не позволяет объяснить специфику сложноорганизованных объектов, исходя только из свойств их субстратной основы. Раскрытие сущности объектов этого рода требует выявления функциональных отношений, организации, реализуемых на том или ином субстрате и связанных с этим субстратом несомненно.

Ограниченные возможности субстратных методов при познании сложноорганизованных объектов дали основание некоторым философам для отрицания методологического значения категорий субстрата (и заодно субстанции) в познании сложноорганизованных объектов (7,47). Анализ основных возражений, выдвигаемых против субстратных и субстанциальных понятий, показывает, что там, как правило, нет строгого различия категорий субстрата и субстанции. Соответственно, положения, справедливые для категории субстрата, переносятся на категорию суб-

станции, что представляется неправомерным, поскольку между этими категориями имеется существенное различие. Поэтому анализу методологического значения понятий субстрата и субстанции следует предпослать рассмотрение их основного категориального различия.

Прежде всего обратимся к категории субстанции. Понятие субстанции, широко распространенное в домарксистской философии, не теряет своего значения и в марксистской философии. Признание первичности материи с необходимостью требует представления материи в качестве субстанции, т.е. в качестве основы, порождающей все бесконечное многообразие явлений действительности. В.И. Ленин подчеркивал, что "надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений" (2, 142).

Представление материи в качестве субстанции требует раскрытия основных принципов самодвижения материи, основных законов производящей деятельности материи, что позволяет понять все бесконечное многообразие явлений действительности, в том числе сознание, как естественный, закономерный результат саморазвития, самодвижения материи. Материя в аспекте субстанции является оодержательным раскрытием отношения "первичность-вторичность" между материей и сознанием, зафиксированного в ленинском определении материи.

Углубление познания материи до познания субстанции не подменяет категории материи категорией субстанции. В определении, данном В.И. Лениным, зафиксирована гносеологическая противоположность материи и сознания, имеющая место в любом акте познания. Понятие материи, как объективной реальности, является исходным пунктом всякого действительного познания, всякого научного рассуждения об окружающем мире. В этой функции понятие материи не может быть подменено каким-либо другим понятием или категорией, в том числе категорией субстанции. Понятие субстанции не может быть исходным пунктом познания, так как гно-

сеологическая противоположность материи и сознания в нем снята и выступает как один из моментов самодвижения, саморазличия субстанции (15, 152). Поэтому за понятием субстанции может скрываться, если брать его в качестве исходного понятия, и идеалистическое решение основного вопроса философии (идеалистический монизм).

В отличие от метафизического материализма, который сводил субстанцию к неизменному вещественному составу, абсолютному субстрату, диалектический материализм под субстанцией понимает самодвижущуюся, самодифференцирующуюся материю, которая качественно многообразна и не сводится к одному из ее видов и состояний. Основные принципы субстанциальной деятельности материи раскрывает система категорий материалистической диалектики. С этой точки зрения философские категории отражают не просто универсальные, всеобщие стороны явлений, но раскрывают всеобщий способ порождения, существования и уничтожения бесконечно многообразных явлений действительности, т.е. раскрывают закономерности деятельности субстанциальной основы мира — материи.

Понятие субстанции — своеобразный итог познания материи на категориальном уровне. На этой ступени содержание категории материи предстает как единство многообразных определений, как мысленно конкретное, как система категорий, построенная методом восхождения от абстрактного к конкретному. Представляя итог познания материи, понятие субстанции исторически обусловлено и содержит в себе как абсолютность, так и относительность, как конкретность так и абстрактность. Момент относительности в нашем знании субстанции еще раз подчеркивает недопустимость замены категории материи категорией субстанции, поскольку в основе всякого углубления нашего знания о самой субстанции, в основе всякого нового восхождения от абстрактного к конкретному лежит понятие материи, фиксирующее действительно неизменное отношение: "Это — отражение человеческим сознанием (когда существует человеческое сознание) независимо от него существующего и развивающегося внешнего мира" (1, 277).

И тем не менее, понимание материи в любом случае необходимо доводить до понятия субстанции, т.к. это требует привлечения всего категориального аппарата марксистской философии и тем самым придает материалистической позиции исследователя диалектический характер, поднимая его материализм до уровня, соответствующего современной науке, тем объектам, которые стали предметом ее исследования.

Обращение к понятию субстанции необходимо не только при философском осмыслении действительности, не только в случае анализа "пределных" оснований бытия, но и в практике естественнонаучного исследования. Дело в том, что категория субстанции, которая в истории философии чаще всего представлялась как сугубо онтологическая категория, с точки зрения марксистской философии является необходимой формой мышления, ступенью познания. Как форма мышления, она требует мыслить исследуемые явления как существующие не сами по себе, а как моменты, различия, проявления, свойства, модификации единой субстанции — самодвижущейся материи (IО, 64; II, 308-309; I2, 8).

Познание отдельных областей действительности тоже связано с категорией субстанции как формой мышления, как принципом теоретического исследования, требующим найти ту конкретно-всеобщую для данной области материальную основу, модификациями которой выступают исследуемые явления. Классическим примером применения категории субстанции в специальном познании является "Капитал" Маркса, где субстанциальный подход в его диалектико-материалистическом понимании выступает в качестве важного средства исследования специфики экономических явлений.

Определенное для данного круга явлений единство, их субстанция отыскивается не простым эмпирическим поиском, а постигается путем теоретического анализа. В качестве субстанции явлений не может выступить нечто абстрактно-всеобщее, внешняя одинаковость явлений, фиксируемая эмпирически (например, одинаковый вещественный состав, субстрат явлений). Лишь применение методов теоретического анализа, например, метода восхождения от абстрактного к конкретному ведет к

отображению в понятиях той самодвижущейся, саморазвертывающейся, конкретной материальной основы (субстанции), способом деятельности существования которой является порождение и взаимодействие исследуемого многообразия явлений. В этом случае субстанция предстает как конкретно-всеобщее, как активная, деятельная материальная основа, содержащая различия и воплощающая в себе "богатство особенного, индивидуального и отдельного" (2,90).

Так, например, современная наука субстанциальную основу живых организмов и вообще биологических отношений выявляет не путем простого эмпирического поиска чего-то внешне одинакового для всех живых организмов, скажем - некоторых тождественных элементов или процессов молекулярного уровня. Субстанция живых организмов выявляется лишь в результате применения к эмпирическому материалу теоретических принципов биологии, кибернетики, общей теории систем, физики, химии и др. В результате субстанциальная основа живых организмов предстает не как процессы одного уровня организации, а в виде некоторой достаточно сложной системы с несколькими взаимосвязанными уровнями, определенным образом взаимодействующей с внешней средой. Из принципов бытия этого субстанциального основания и выводится все многообразие проявлений жизни.

Явления, принадлежащие к разным областям действительности, постигаются в свете качественно отличных субстанциальных единств. Очевидно, что общественные, биологические, геологические и другие явления имеют различные субстанциальные основания. Но это не означает, что мир распадается на множество не связанных друг с другом субстанций. В мире существует только одна субстанция - самодвижущаяся материя. Специальные науки, сводя исследуемые явления к единству /этого требует субстанция как форма мышления/, имеют дело с субстанцией в относительном смысле, т.е. с субстанцией именно данного многообразия явлений. Иными словами - специальные

науки имеют дело с субстанциальной деятельностью отдельных видов материи.

Несмотря на то, что самодвижение, а следовательно, и субстанциальность в абсолютном смысле присущи только материи в целом, отдельные материальные образования тоже могут находиться в состоянии относительного самодвижения, что позволяет этим материальным образованиям быть субстанциальной основой определенной группы явлений.

Для объяснения самодвижения отдельных видов материи, отдельных материальных образований можно воспользоваться системными представлениями, представив их в виде материальных систем, взаимодействующих с внешней средой. Взаимодействие с внешней средой не исключает возможности самодвижения материальной системы, если это самодвижение понимать как результат "взаимодействия внешних и внутренних детерминантов, в котором определяющее значение играет внутренняя детерминация (самодетерминация)..." (9,38). Следовательно, материальная система в определенном смысле становится причиной собственных изменений, что придает ей момент субстанциальности.

Вступая в такого рода самодвижение, т.е. становясь причиной собственных изменений, отдельный вид материи действует на самого себя. Здесь имеется в виду не возникновение движения как такового, а лишь движение определенного рода, когда активность некоторого материального образования опосредованно (через внешнюю среду) направляется на самого себя, в результате чего возникает движение самопреобразования, саморазвития этого материального образования. Это самопреобразование осуществляется через посредство других материальных объектов, выполняющих роль внешней среды. До возникновения самодвижения данный вид материи не находится в состоянии абсолютного покоя, ему было присуще движение, но движение иного рода, с иным соотношением внутренней и внешней детерминации.

В процессе самодвижения, в процессе действия на самого себя некоторое материальное образование с необходимостью раздваивается на пассивную и активную стороны. Собственно, возникновение самодвижения, субстанциальной деятельности есть одновременное возникновение этого раздвоения. Без любой из этих сторон самодвижение невозможно. В процессе самодвижения вид материи с необходимостью наряду с активностью должен проявить в определенном отношении также пассивность, так как иначе он не в состоянии стать объектом собственной деятельности. "Движение, перемена, деятельность, - писал А.И. Герцен, - предполагает поприще, страдательность, на которой они совершаются..." (5, 186). Пассивная, "страдательная" сторона позволяет реализоваться активной стороне, выступая носителем ее следствий, благодаря чему сама активная сторона становится чем-то актуальным существом.

Активная сторона, как сторона раздвоения, может быть представлена в виде совокупности материальных причин, вызывающих в пассивной стороне некоторое многообразие следствий. Вступая в субстанциальную деятельность материальное образование опосредовано (в этой опосредованности другими материальными объектами и состоит относительность субстанциальности) само же является источником совокупности материальных причин, репрезентирующих активную сторону.¹

Пассивная сторона в самодвижущемся материальном образовании является субстратом, воплощающим в себе результаты воздействия активной стороны. Лишь благодаря наличию субстрата материальное образование может вступить в движение самообразования, развития, поскольку субстрат является той основой, из которой возникают новые явления. Субстрат неразрывно связан с деятельностью субстанции, поскольку

¹ Наиболее яркими представителями объектов, материальная основа которых находится в движении самопреобразования, самоформирования, самоопределения являются объекты типа органических тел.

ку последняя существует через порождение и взаимодействие произведенных явлений .

Отсюда понятно, почему в практике познания органических целых, например , живых организмов, имеет большое значение исследование субстрата. Тем самым выявляются "строительные" возможности целого, а также механизмы, посредством которых оказывается возможным: управление субстратными процессами , их модификация с целью формирования новых тканей, органов, видов и других биологически значимых образований. Исследования в плане субстрата раскрывают ту основу, из которой происходит , возникает многообразие жизненных форм и которая таким образом является как бы потенциальным бытием уже существующих , а также еще не возникших видов живых существ.

Пассивности субстрата, зафиксированной в процессе логического развертывания содержания этой категории, на эмпирическом уровне соответствует не абсолютная неизменность материала целого, а способность субстрата целого модифицировать свои характеристики в соответствии с потребностями целого.

Рассмотрение различия между категориями "субстрат" и "субстанция" требует , кроме простого логического развертывания их содержания, также учета философских традиций, сложившихся при анализе этих категорий. Немало материала в этом плане дает философия Аристотеля. Чтобы не быть обвиненными в модернизации Аристотеля , оговоримся , что здесь приводятся не столько взгляды самого Аристотеля , сколько те мысли, к которым непосредственно ведут используемые им категории.

В философии Аристотеля материя выполняет роль пассивного, неопределенного субстрата, лишеного каких бы то ни было конкретных свойств (3,II5). Материя сама по себе не субстанциальна - из нее одной нельзя вывести становления вещей. Действительной субстанцией мира является "чистая форма", "высшая форма" , перводвижитель или бог, пребывающий вне мира. Несмотря на идеализм, здесь имеется рациональное зерно: субстрат не удовлетворяет статусу суб -

станции и не позволяет реализовать монистические объяснения действительности (3,24). Но это не означает, что понятие субстрата становится излишним. Просто оно должно занять определенное место в разветвленной системе категорий, характеризующей деятельность субстанции. Субстрат, по Аристотелю, неразрывно связан с деятельностью субстанции, поскольку эта деятельность понимается как процесс перехода от присущих субстрату возможностей к их осуществлению. Таким путем образуется весь многообразный мир. Субстрат необходимо причастен к производящему вещи субстанциальному движению, поскольку возникает лишь то, что содержится в нем потенциально. Субстрат связан с сущностью вещей, являясь условием их возникновения, но субстрат — это еще не вся сущность, так как он лишь возможность сущности, но не ее действительность. Точка зрения субстрата не позволяет полностью объяснить данную сущность, ибо он возможность не только этой сущности, но и другой. Первома́терия, как "чистый субстрат" готова стать всем (8, 274-275). Следовательно, в субстрате пропадает специфика явлений, сущностей и без помощи формы их объяснение во всей конкретности невозможно.

В отсутствии непосредственной связи между субстратом и сущностью вещей чувственного мира обнаруживается известное "безразличие", "равнодушие" субстрата к определениям, вносимым в него формой. Переход от вещи к вещи у Аристотеля, в конечном счете, есть переход от формы к форме, а субстрат в этом переходе предстает как неизменная основа превращения, изменения вещей или свойств, как своеобразная "арена", на которой происходят чувственно воспринимаемые события.

Думается, что момент пассивности субстрата, его известного безразличия к своим определениям следует сохранить как важнейший момент понятия "субстрат" в противоположность понятию "субстанция". Эти особенности субстрата выделял также и Гегель. Так, в "Науке логики" перед становлением сущности Гегель вводит субстрат, как пребывающее в узловой линии мер. Введение субстрата мер превращает отношения мер и

связанных с ним качественных и количественных определенностей из самостоятельных нечто в состоянии этого субстрата. Переход количественных изменений в качественные предстает как переход от одного состояния пребывающего субстрата к другому или, говоря словами Гегеля, переход от меры к мере есть "лишь изменение некоторого состояния, и переходящее положено как остающееся в этом изменении тем же самым" (4, 470).

С точки зрения рассматриваемого вопроса представляет интерес то, как Гегель оценивает в плане субстрата его определения и те изменения, которые происходят с определениями субстрата в процессе перехода от меры к мере. Изменяющимися определениями в сфере наличного бытия являются качество и количество. Как бы ни велико было различие между этими определенностями в сфере наличного бытия, по отношению к самому субстрату они в одинаковой степени безразличны и внешни. В плане субстрата исчезает различие между качеством и количеством, и то и другое: "лишь внешнее количественное определение, которое оказывается в то же время и разностью качества" (4, 470). Следовательно, различия в сфере наличного бытия, в сфере возникновения нового качества, с точки зрения самого субстрата оказываются его неразличностью, пребыванием.

Рассмотренный материал показывает, что важнейшими моментами понятия "субстрат", которые следует сохранить и в рамках марксистской философии являются:

- отсутствие непосредственной связи между субстратом (его внутренней природой, свойствами) и "носимым" им многообразием явлений;

- способность получать определения извне, т.е. способность быть объектом внешнего воздействия, в чем проявляется некоторая пассивность, "страдательность субстрата";

- неспособность субстрата однозначно и полностью детерминировать все особенности явлений, субстратом которых он является.

Возникает вопрос: подтверждается ли в практическом исследовании логически выведенное содержание категории субстрата? Дело в том, что при эмпирическом анализе органичного целого не удается обнаружить совершенно пассивный, неизменный материал. Больше того, если обратиться к живому организму, то его исследование в плане субстрата открывает как непрерывное обновление основных субстратных компонентов путем ассимиляции и диссимиляции. "Молекулы в нашем теле и во всяком организме, - пишет Дж.Бернал, - находятся в состоянии непрерывного восстановления, и атомы протекают через нас непрерывным потоком" (6,483).

Тем не менее эти данные не противоречат приведенному выше содержанию категории субстрата, поскольку из него не следует то утверждение, что на эмпирическом уровне субстрату должен соответствовать совершенно неизменный, пребывающий в абсолютном покое материал. Пассивность субстрата, зафиксированная на категориальном уровне, в эмпирическом исследовании проявляется как зависимость ряда свойств субстрата от закономерностей и потребностей целого. В случае живого организма пассивность субстрата обнаруживается как подчиненность процесса самобновления его компонентов потребностям самого организма.

Следовательно, в определенных условиях субстратом может оказаться любое материальное образование, любой вид материи, поскольку он может стать:

- объектом активности какой-либо материальной причины, носителем некоторого многообразия ее следствий;
- своеобразным "строительным материалом" для системы с качественно отличными от него свойствами, т.е. включаться в отношения, связи, однозначно не следующие из его внутренней природы.

Все вышесказанное позволяет провести достаточно четкое различие категорий субстрата и субстанции. Субстрат, как "носитель", "подпорка" для некоторого многообразия явлений или группы свойств, не в состоянии непосредственно детерми-

нирывать это "носимое" им многообразие явлений. Субстанция же, являясь основой многообразия явлений, в отличие от субстрата, порождает эти явления, определяет их взаимодействия и превращения, дает им меру. Следовательно, субстрат и субстанция, будучи основой многообразных явлений, выполняют эту функцию существенно различным образом. Если субстрат является основой явлений в силу некоторой безразличности к ним, то субстанция, выступая основой явлений, сама существует только через эти явления и их взаимодействия.

Отождествление материи с субстратом недопустимо, поскольку это ведет к идеализму. Материя не субстрат, способный произвести что-либо лишь под воздействием извне, а самодействующая, самодвижущаяся субстанция. Даже отдельные виды материи являются субстратом лишь в определенных условиях, в определенном отношении, т.е. в относительном смысле.

Вопрос о соотношении категорий субстрата и субстанции представляет не только историко-философский интерес. От решения этого вопроса зависит успешность диалектико-материалистической интерпретации сложно-организованных объектов, категориальное обоснование процесса познания этих объектов, а также методов исследования, применяемых в этом процессе. Наиболее ярким типом сложно-организованных объектов являются органичные целые. Воспользуемся рассмотренным выше содержанием категорий субстрата и субстанции для выявления основных ступеней развития познания объектов типа органичных целых. Это тем более необходимо, что именно здесь методологическая ценность категории субстрата и субстанции весьма часто ставится под сомнение.

Как известно, органичные целые первоначально исследовались путем их односторонне-аналитического расчленения на простейшие, элементарнейшие части, из свойств которых предпринималась попытка объяснить любой уровень в целом. Методология механицизма предполагала, что из физико-химических свойств простейших элементов по законам механической детерминации однозначно следуют свойства целого. Однако свойства

реального целого (например, живого организма), закономерности, управляющие его поведением, не выводились из тех свойств и закономерностей, которые обнаруживал механицизм в простейших элементах.

С точки зрения рассматриваемых категорий односторонне-аналитический метод механицизма позволял достигнуть ступени субстрата в познании органических целых, т.е. этот метод выявлял лишь субстратную, а не субстанциальную, материальную основу исследуемых объектов. Естественно, что механицизму не удалось осуществить синтез целого из свойств найденных им субстратных компонентов, поскольку важнейшим свойством субстрата является его несубстанциальность, т.е. субстрат не в состоянии обосновать, детерминировать те явления, субстратом которых он является.

Следующая методологическая ошибка механицизма состояла в отождествлении субстратной основы органического целого с его материальной основой. Поскольку эта "материальная основа" не может произвести целое без вспомогательных факторов, то открывалась возможность для построения идеалистических концепций целостности, которые специфику целого, сказывшуюся за рамками механицизма, выносили за пределы матери вообще.

Таким образом, абстрактно-субстратный подход механицизма к органическому целому не в состоянии осуществить субстанциальное объяснение этих объектов, найти их единую основу. Односторонне-аналитические методы открывают такую основу, которая не является субстанцией органического целого. Именно здесь, в неадекватности субстратного подхода объектам типа органических целых нужно искать гносеологические корни идеалистических концепций, лишаящих сложноорганизованные объекты материальной (субстанциальной) основы. Идеалистические трактовки целых являются неизбежным следствием абсолютизации данных абстрактно-субстратного подхода механицизма.

В процессе познания органических целых не следует абсолютизировать данные субстратного исследования. Необходимо пе-

рейти на следующую ступень познания, когда действительно удается раскрыть материальную (субстанциальную) основу объекта. Характерно, что именно методология системного подхода в состоянии перевести познание на следующую, более высокую в субстанциальном смысле ступень.

В рамках системного подхода субстратное исследование лишь один из необходимых моментов исследования сложноорганизованного объекта. Другим необходимым моментом является функциональный подход, когда элемент описывается не как таковой, а с учетом его места в целом (14, 15). Тем самым предпринимается попытка сохранить специфику целого и при исследовании элементов, которая при субстратном подходе безвозвратно терялась.

Системный подход, как единство субстратного и функционального исследований, исходит из того, что в органичном целом действующим, детерминирующим фактором является не только уровень элементов, но и свойства, закономерности целого и других уровней организации, т.е. органичное целое во всей своей специфичности есть результат взаимодействия нескольких уровней организации. Системный подход стремится связать различные уровни в целом, выявить их взаимообусловленность, без потери качественной специфики каждого из них.

Активность других уровней организации, а не только уровня элементов (как это предполагал механизм), не позволяет превращать свойства объектов одного уровня в абсолютную точку отсчета, исходя из которой объяснились бы все процессы в целом. В органичном целом процессы элементного, субстратного уровня, воздействуя на процессы высшего, целостного уровня, в то же время сами испытывают воздействие целого, которое существенно модифицирует субстратную основу объекта, превращая ряд ее свойств в нечто обоснованное, в определенной степени производное. То обстоятельство, что ряд свойств субстрата органического целого — это не только исходный пункт, но и результат процесса существования целого, позволяет интерпретировать само бытие целого с учетом

внешней и внутренней детерминации как самодвижение некоторой материальной основы.

Таким образом, материальной основой объектов типа органических целых являются не объекты одного элементарного, субстратного уровня (механицизм), а единое, дифференцированное, состоящее из нескольких уровней материальное образование, которое в результате взаимодействия различных уровней находится в движении самопреобразования, самоопределения.¹ Существование органического целого определяется не только и не столько воздействием внешней среды, сколько действием высших уровней организации, действием реализованных возможностей своего материального субстрата. Все это еще раз подчеркивает недопустимость отождествления материальной, субстанциональной основы органических целых с их субстратом, поскольку субстрат, открываемый аналитическими методами исследования, не материальная основа как таковая, а лишь один из уровней организации этой основы, лишь необходимая сторона ее субстанциональной деятельности (сторона раздвоения).

Активность высших уровней организации в целом исключает однозначность связи между его субстратной основой и функциональными отношениями, реализуемыми на этом субстрате. Но тем не менее, это не внешнее сочетание двух самостоятельных сторон. Реализация системного подхода во всем объеме позволяет выявить необходимость связи субстрата и функциональной структуры, если при этом учесть звенья, опосредующие эту связь - уровень целого, способ взаимодействия целого с внешней средой, генезис и т.д. Обнаружение необходимости этой связи позволяет представить субстрат и функциональную структуру как стороны, моменты раздвоения, самодвижения единого материального образования. В этом случае мы выявляем дейст-

¹ В этом отношении перспективным представляется поиск субстанционального основания живых организмов в виде многосуровой системы, определенным образом взаимодействующей с внешней средой. см. 16.

нительную субстанцию, материальную основу целого, из основных закономерностей самодвижения, самораздвоения которой можно объяснить основные особенности органичного целого, т.е. достигаем в процессе познания целого ступени субстанции.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что категории "субстрат" и "субстанция" при их диалектико-материалистическом понимании сохраняют свое методологическое значение и в современном познании, позволяя объяснить основные этапы развития познания объектов типа органичных целых, раскрыть гносеологические корни идеалистических спекуляций вокруг этих объектов.

Л и т е р а т у р а

1. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. - Полн.собр. соч. Изд. 5-е.т.18. 384 с.
2. Ленин В.И. Философские тетради. - Полн.собр.соч.Изд.5-е. т.29. 782 с.
3. Аристотель. Метафизика. М.-Л.,1934 г. 347 с.
4. Гегель. Наука логики. т.1.М., 1970 г. 501 с.
5. Герцен А.И. Письма об изучении природы. - Сочинения в девяти томах. т.2.М., 1955. 515 с.
6. Бернал Дж. Наука в истории общества.М., 1956, 735 с.
7. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. 270 с.
8. Виндельбанд В. История древней философии. М.,1911.397 с.
9. Вязькин Ф.Ф. Место и значение категории самодвижения в материалистической диалектике. - В кн.: Проблемы диалектики, 1972, вып.1.ЛГУ, с 33-46.
10. Ильенков Э.И. Диалектика абстрактного и конкретного в "Капитале" Маркса. М., 1962. 285 с.
11. История марксистской диалектики. М., 1971. 535 с.

12. Науменко Л.К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата, 1968, 327 с.
13. Петров Сава. Субстрат, структура, свойство. - "Вопросы философии", 1968, № 10, с. 81-92
14. Проблемы методологии системного исследования. М., 1970, 456 с.
15. Философская энциклопедия. т. 5, М., 1970.
16. Югай Г.А. Субстанциальный принцип организации живой системы. - В кн: Проблема целостности в современной биологии. М., 1968, с. 7-46.

Л. ПАХАРЬ

ОБ АКТИВНОСТИ ОБРАЗА

Проблемы, связанные с теорией отражения, остаются сегодня в центре внимания философов-марксистов. Особое значение приобретает вопрос об активности отражения.

Глубокий анализ основных недостатков старого материализма и принципиальных отличий от него диалектического материализма в целом и теории отражения, в частности, дан основателями марксизма, К.Марксом и Ф.Энгельсом. При разработке диалектико-материалистической теории отражения К.Маркс и Ф.Энгельс преодолели созерцательность, метафизичность и механистичность предшествующих теорий отражения. Они подчеркивали, что созерцательным моментом не исчерпываются реальные процессы отражения объективного мира человеком. Взаимодействие человека с окружающей средой может быть понято только на основе человеческой чувственной деятельности, практики. Созерцательность старого материализма вытекала из одностороннего рассмотрения, во-первых, самого человека как особого биологического существа, наделенного природой чувствами и разумом, как продукта обстоятельств, и, во-вторых, из метафизического понимания общества как механической суммы индивидов, как "гражданского общества". Метафизические и механистические принципы не давали возможности домарксистскому материализму поставить проблему исторического развития отражения. Именно эти недостатки метафизически-материалистической теории отражения были вскрыты и преодолены К.Марксом и Ф.Энгельсом при создании диалектического и исторического материализма.

Дальнейшая позитивная разработка теории отражения связана с именем В.И.Ленина и не случайно получила название ленинской. Современное развитие теории отражения исходит из гениального предположения В.И.Ленина о том, "... что вся

материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения..." (1,91). Предшествующий материализм в основном исследовал отражение в гносеологическом плане противопоставления материи сознанию, предмета образу. В.И. Ленин впервые ставит вопрос о необходимости исторического анализа самого свойства отражения, выяснения особенностей отражения, присущих различным уровням материи. Кроме того, В.И. Ленину принадлежит идея изучения взаимопереходов одного уровня материи и ее свойства отражения в другой, более высокий. "... На деле, - писал Ленин, - остается еще исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов/или электронов/ составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения." (1,10). Такая постановка вопроса нацеливала исследователей на естественно-научный аспект анализа процессов отражения.

Богатое наследие классиков марксизма-ленинизма получило всестороннее развитие в трудах философов-марксистов как в нашей стране, так и за рубежом. Сегодня мы имеем обширную литературу по анализу процессов отражения в неорганической и органической материи, психического и социального отражения, которая свидетельствует о больших сдвигах в изучении отражения. Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали активную, творческую сторону человеческого сознания. В.И. Ленин пояснил это следующим образом: "... мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его" (2,195). Любое преобразование, творчество становится возможным лишь на основе познания реальных процессов, т.е. отражения.

Несостоятельность противопоставления активности отражению ярко выступает в проблеме образа. Критики теории отражения чаще всего образ понимают как копию, обладающую физическим соответствием с внешним предметом. В связи с этим представляется актуальным исследование проблемы образа, так как

именно здесь сходятся разногласия в толковании принципа активности отражения. Это послужило основанием для выбора конкретной темы анализа для данной статьи.

При помощи категории образа как формы отражения действительности характеризуются процессы отражения, протекающие на уровне животного и человека. Отражательные процессы у человека возникают в ходе его деятельности. При взаимодействии объекта и субъекта у последнего в центральной нервной системе формируется нервная модель, которая выступает материальным носителем субъективного образа объективного мира. Нервную модель необходимо рассматривать как промежуточный этап в схеме "объект" - "образ объекта". Становление самого образа связано с процессом субъективации, который протекает на основе предметно-практической деятельности человека. Сущность субъективации заключается в продуцировании на основе нервной модели субъективного образа воздействующего внешнего объекта.

В марксистско-ленинской гносеологии отмечаются следующие характерные черты образа: идеальность, предметность, регулятивная функция в поведенческом акте, адекватность внешнему объекту, активность, динамичность, подвижность и др. Образ можно определить как процессуальный результат отражательной деятельности субъекта, воспроизводящий в идеальной форме воздействующий внешний объект. В процессуальной стороне образа подчеркивается его динамический, развивающийся характер. Образ, воспроизводя действительность, постоянно меняется в связи с тем, что подвержены развитию как внешний объект, так и сам субъект. Однако, с другой стороны, образ есть нечто в идеальной форме внешнего объекта, который отличается некоторой качественной определенностью. Под этим углом зрения образ характеризует результат отражения. Рассмотрение образа как процесса и в то же время как результата процесса отражения имеет глубокий смысл. Такое понимание позволяет вскрыть сущность внутреннего противоречия, выступающего источником развития образа.

Как отмечалось, важнейшей чертой образа является активность. Мы разделяем точку зрения тех авторов, которые считают активность свойством любого процесса отражения, начиная от неживой природы и кончая социальным. Это утверждение вытекает из известного положения диалектического материализма о всеобщей активности самой материи. В свою очередь такое понимание активности требует ее анализа, соответственно уровням развития материи и ее атрибута - отражения, а также в различных аспектах рассмотрения: естественно-научном, гносеологическом и социологическом.

Активность образа определяется активностью субъекта отражения. Активность человека выражается в способности "отражающего воспринимать, перерабатывать и приспосабливать к своим нуждам воздействия внешней среды, а также его способность изменять существующую вне и независимо от него действительность". (6,85). В основе активности отражательных процессов человека и, в частности, образа лежит деятельность человека. "Отражение активно, - пишет Ф.И.Георгиев, - потому, что человек по своей сущности существо практическое" (9,7). Отсюда анализ активности процессов отражения человека, образа в любом аспекте исследования необходимо начинать с рассмотрения деятельности, ее видов и особенностей:

Деятельность представляет собой способ отношения организма к среде, совокупность определенных действий и операций организма, направленных на удовлетворение его потребностей. Исследования С.Л.Рубинштейна, А.Н.Леонтьева, П.Я.Гальперина и многих других психологов доказали, что практически психика может возникнуть и функционировать только в связи с деятельностью. Деятельность составляет основное условие возникновения психики и является движущей силой ее развития.

"Деятельность" как категория может характеризовать действия и животного, и человека. Жизнедеятельность животного заключается в реализации инстинктивных форм поведения и направлена на приспособление организма к среде. Фактом своего

приотсутствия животное изменяет мир, но никогда его не преобразует. Это надо понимать в том смысле, что животные лишь приспособляются к среде сообразно своим потребностям, но не в состоянии перестроить окружающую природу соответственно своим нуждам. Если предложить, что некоторый вид животных стал бы осуществлять иные формы поведения, не свойственные его генотипу, то этому явлению обязательно бы предшествовала трансформация его видовых признаков.

Иное дело человек. Его деятельность носит общественный характер; она всегда исторически обусловлена. Специфика человеческой деятельности заключается в труде, благодаря которому человек выделился из животного мира. К. Маркс подчеркивал, что труд есть процесс, который совершается между человеком и природой и благодаря которому опосредствуется; регулируется и контролируется обмен веществ между ними.

По своей структуре деятельность человека можно подразделить на материальную и духовную. Материальная деятельность включает в себя практическую и некоторые виды деятельности, которые связаны с природой, биологической стороной человека. Практическая деятельность человека охватывает производственную, революционно-преобразовательную и другие деятельности, так или иначе приводящие к созданию нового продукта, процесса, явления, отвечающего потребностям людей. Духовная деятельность людей включает в себя познание, а так же деятельность человека, которую часто называют творческой. К последней относится, например, труд писателя, художника, поэта и т.д. Если материальная деятельность служит удовлетворением материальных потребностей человека, то духовная деятельность отвечает духовным запросам людей. В этом их единство.

Материальная и духовная деятельность человека внутренне взаимосвязаны. Материальная деятельность порождает духовную; духовная развивает, обогащает материальную и т.д. Эта взаимосвязь, в частности, проявляется и в том, что в конкретных видах человеческой деятельности бывает трудно разграничить ду-

ховную деятельность от материальной. Однако, это единство и взаимосвязь видов деятельности носят не абсолютный характер. Материальная и духовная деятельности являются и относительно самостоятельными, причем ведущую, определяющую роль из двух видов деятельности занимает материальная.

Реализация деятельности осуществляется в двух планах: внутреннем и внешнем. Внешняя деятельность представляет собой различного рода действия при помощи рук и ног; внутренняя характеризуется оперированием образами, т.е. протекает, как говорят, "в уме". Внешняя и внутренняя деятельности также диалектически взаимосвязаны: внутренняя возникает на основе внешней и через нее проявляется; внешняя — формируется при посредстве внутренней и ею управляется.

Как нам представляется, гносеологический план исследования активности образа включает в себя, во-первых, раскрытие структуры образа, подтверждающей его активность; во-вторых, анализ роли образа в процессах взаимодействия субъекта с окружающим миром; и, в-третьих, выяснение его относительной самостоятельности. Остановимся на этих трех аспектах активности.

Человек в процессе взаимодействия с окружающим миром отражает его в форме образа. Образ всегда соотносен с предметом: он в своем содержании воспроизводит воздействующий внешний объект. Однако характер этого воспроизведения не индифферентен к виду деятельности человека. Наоборот, соответственно особенностям этой деятельности формируется конкретный образ. Поэтому об образе вообще можно говорить лишь условно, в абстракции. В реальных процессах отражения человека образ всегда выступает в конкретной форме психического, познавательного, гносеологического и художественного образа. Такая дифференциация соответствует и эволюции отражательных процессов человека.

Известно, что психика человека имеет не только сознательный уровень, но охватывает и неосознанные психические процессы. Поэтому в самом широком плане воспроизведение действительности человеком осуществляется в форме психического образа.

В процессе трудовой деятельности человека психическое отражение достигает своей высшей формы — сознания. Формирование сознания связано с возникновением мышления. Таким путем в процессе развития психического отражения человека в условиях социальной формы движения материи формировался познавательный образ.

История познания отражает развитие человеческого общества. Познание в широком смысле следует рассматривать как один из способов ориентации людей в окружающем мире. В процессе совершенствования познавательной деятельности человека возникает высшая форма познания — научное. Научное познание есть процесс отражения сущности явлений действительности, законов их мышления и развития. Оно представляет собой процесс бесконечного движения мысли от сущности первого порядка к сущности второго и т.д.

Особое место занимает художественный образ. Он формируется на основе специфической духовной деятельности, которую называют творческой. Художественный образ по существу представляет собой продукт творчества, он по содержанию отличается от продуктов, результатов первичного отражения, во-первых, тем, что богаче содержанием, так как возникает в процессе отбора, анализа, синтеза, абстрагирования и обобщения исходных образов, что дает в конечном итоге новый сплав-образ, отличный от первичного отражения. Во-вторых, художественный образ эмоционально насыщается сознательно с учетом авторской оценки значимости данного образа. Подобный идеальный художественный образ зарождается в сознании художника и затем находит воплощение /объективируется/ в различного рода произведениях искусства (10, 82-83). Следовательно, художественное произведение есть косвенное отражение, интегрирующее в себе качества объекта и качества субъекта, есть объективированный художественный образ.

Итак, как выяснилось, отраженный образ не безразличен к деятельности человека, он не есть мертвая копия внешнего объекта. Образ возникает в процессе воспроизведения челове-

ком действительности, как бы "перерабатываясь" через характер его деятельности. И в этом состоит одна из сторон активности образа.

Возможность различных образов доказывается не только многообразием видов деятельности, но и диалектикой индивидуального и общественного характера отражения. Попробуем раскрыть это положение. Установлено, что психическое отражение у человека существенно отличается от отражения животных: оно носит общественный характер. Как писал Л.С.Выготский, культура "видоизменяет деятельность психических функций." (8, 45). Но при всем этом психический образ складывается и существует у каждого человека в отдельности. Он индивидуально неповторим, хотя по своему происхождению опосредован общественными отношениями. Познавательный образ формируется только в процессе общественной жизнедеятельности людей. Он по своей природе возникает на основе общественных отношений, но существует в индивидуальном сознании и через него становится достоянием общества. Особенности научного познания определяются, во-первых, его объективностью, а, во-вторых, общественным характером /см. подробнее [3]/. Научный познавательный образ несмотря на то, что формируется у конкретных людей, опосредуется системой объективированного знания. По сути дела такое отражение носит общественный характер. В художественном образе своеобразно сочетается диалектика индивидуального и общественного характера отражения.

До сих пор у нас шла речь с воспроизведением действительности в образе на основе того или иного вида деятельности. Но этим содержание образа не исчерпывается. На эту сторону вопроса обращал внимание исследователей С.Л.Рубинштейн. "Всякий психический процесс, - писал он, - есть отражение, образ вещей и явлений мира, з н а н и е о них, но взятые в своей конкретной целостности психические процессы имеют не только этот познавательный аспект. Вещи и люди, нас окружающие, явления действительности, события, происходящие в мире;

так или иначе затрагивают потребности и интересы отражающего их субъекта. Поэтому психические процессы, взятые в их конкретной целостности, - это процессы не только познавательные, но и "аффективные", эмоционально-волевые. Они выражают не только знание о явлениях, но и их значение для отражающего их субъекта, для его жизни и деятельности" (II, 263-264).

Из приведенного отрывка вытекает, по крайней мере, следующий вывод. В содержании образа как процесса и результата процесса отражения действительности субъектом существуют два элемента: отображение действительности и выражения отношения к ней. Оба эти элемента, несмотря на свою относительную самостоятельность, существуют в единстве.

Особый интерес для нас представляет второй элемент в содержании образа - отношение. Дело в том, что психическое отражение в целом у живых систем возникло не случайно, а на основе потребностей наиболее адекватного ориентирования в окружающем мире. Оно позволяло в соответствии с ситуацией отвечать на внешние воздействия. Отсюда уже в самом содержании образа должен присутствовать оценочный момент в широком смысле этого слова. Образ в определенном плане выступает основанием для деятельности субъекта в конкретных условиях. Поэтому особое значение в анализе активности образа играет исследование оценочной стороны образа.

В психическом образе оценочный момент ограничивается переживаниями, эмоциями, выражающими потребности данного субъекта. В познавательных образах оценочное отношение субъекта к объекту не исчерпывается отмеченными выше элементами. Кроме эмоций и переживаний, в данном случае оценочный момент включает в себя ценность и значение объекта, которые субъект воспринимает только как общественно-историческое существо, затем высказывания и действия, в которых реализуется оценочный подход к действительности. Отсюда следует, что оценочный элемент в образе характеризует не только процесс субъективации, но имеет место и на стадии объективации, трансформи-

руясь в эмоции, переживания, высказывания, действия и т.д.

Наиболее ярко оценочный момент отражения проявляется в художественном образе. "Художественный образ должен быть не только жизненно правдивым, интеллектуально убедительным, логичным, — пишет Л.А. Зеленев, — он должен быть и эмоционально убедительным, ярким, впечатляющим — без этого нет искусства" (10,71). Эмоциональная сторона в художественном образе присутствует не случайно, она сопровождает постоянно эстетическое отражение в виде эмоционального отношения художника к объекту, запечатленному в образе, его симпатии и антипатии. Эмоциональность образов, созданных художником, в первую очередь зависит от эстетического объекта, отраженного в данном образе, но во многом определяется и личными качествами художника: мировоззрением, прошлым опытом, темпераментом, типом нервной системы и т.д.

Как отмечалось, активный характер образа подчеркивается и его относительной самостоятельностью. Она проявляется, во-первых, в способности человека на основе образов мысленно создавать новые, прообразов которых нет в действительности. На этом, в частности, построена фантазия, воображение и, наконец, творчество. Во-вторых, относительная самостоятельность образа доказывается наличием опережающего отражения действительности. На базе последнего существует, например, научное прогнозирование, позволяющее предвидеть будущее, объективные основания которого заложены в настоящем. И, наконец, в-третьих, благодаря активности образа, сознания и на основе предметно-практической деятельности люди способны изменять действительность. Таким образом, попытки представить образ в виде копии, простого фотографирования не состоятельны уже потому, что деятельное начало в человеке позволяет ему подчинить природу своим потребностям и целям.

Наряду с гносеологическим анализом активности образа существует естественно-научный аспект анализа. Он включает в себя исследование психических механизмов образа. Как нам

представляется, такой анализ предполагает прежде всего выяснение роли "установки" и "обратной связи" в психических механизмах формирования образа. Первоначально остановимся подробнее на выяснении роли "установки" в процессах психического отражения.

"Установка" в формировании процесса активного отражения играет немаловажную роль. Во-первых, она активно влияет на формирование неосознанного, "автоматизированного" поведения, осуществляемого на основе психического образа ситуации. Во-вторых, она участвует в познавательном процессе, замедляя или ускоряя его. И, в-третьих, "установка" оказывает воздействие на поведение человека в целом.

Общая теория "установки" начала складываться под руководством крупного психолога-экспериментатора Д.Н. Узнадзе и продолжена его учениками и последователями /И.Т.Бжалава, А.С.Нарикашвили, А.С.Прангишвили, Ш.Н.Чхартышвили и др./ . Еще в 30-х годах Д.Н.Узнадзе подчеркивал значение "установки" как готовности субъекта к определенной деятельности. При этом под готовностью понимается предрасположенность к формированию любого адаптивного поведения. Такой подход является типом психологической концепции, которая исходит из непосредственной связи между стимулом и реакцией. Но в то же время "установка" - это не только предрасположенность к действию, но она способна на " а к т у а л ь н о е р е г у л и р о в а н и е " динамики действия или отражения (после того, как последние сформировались)"(4, 16-17).

Организм, являясь "открытой" системой, находящейся во взаимодействии со средой, постоянно испытывает определенные потребности (как материальные, так и духовные). Среда воздействует на организм не как неорганизованная совокупность явлений, а как целостная система. И организм, прибегая к отдельным актам поведения для удовлетворения своей потребности, вырабатывает на основе определенной потребности и внешней среды необходимую "установку". "Установка" не является состоянием какого-либо рецептора или моментальным состоянием

личности, которая, проявившись в деятельности, тут же затухает. Она обладает следующими основными отличительными чертами: хроническим действием, действием на бессознательном уровне, которая в то же время оказывает решающее влияние на ход и содержание сознания, константностью; стабильностью, иррадиацией и концентрацией (см. подробнее в 5).

"Установка", таким образом, представляет собой сформировавшееся под влиянием внешних или внутренних стимулов определенное функциональное состояние центральной нервной системы. Она оказывает постоянное направляющее воздействие на разворачивавшуюся мозговую активность и сопровождающие ее психические явления, характеризует глубинные процессы формирования поведения организма.

Ф.В. Бассин подчеркивает необоснованность утверждения Д.Н. Узнадзе и его последователей, что "установка" при любых условиях остается неосознанной. "Именно колебания в степени ясности осознания установок, осцилляции этой характеристики, - пишет он, - и определяют в значительной степени ту специфическую роль, которую установкам приходится выполнять в качестве организаторов поведения, адекватно формируя последнее или разрушая его" (3, 231-232). Поэтому "установка" не может характеризовать собой изменение психического состояния той личности, у которой она сформировалась, а является механизмом регулирования этого состояния, деятельности. Она представляет собой не просто определенную "готовность" к действию, но и принимает активное участие в управлении уже реализующейся эффекторной реакцией.

Если принять, что психика раскрывается через деятельность на основе образа, то становится ясным, что глубинные механизмы формирования образа оказывают существенное влияние на его активность. "Установка" как целостно-личностная опора психической деятельности человека ускоряет или замедляет образование образа. Например, если перед глазами человека появляется знакомый предмет, его контуры, то тут же в сознании всплывает его название. Это происходит потому, что мгновенно

ленно актуализируется так называемая фиксированная "установка". Поэтому И.Т.Бжалава считает, что фиксированную "установку" необходимо признать "основой организации чувственных содержаний и, вместе с ней, осознания значения объекта", (5,149) и что "установка является определенной формой существования психического, которая предшествует возникновению сознания ..." (5,211).

Как отмечал Д.Н.Узнадзе, поведение (деятельность) индивида протекает на двух уровнях: на уровне импульсивного поведения, связанного с удовлетворением витальных или биологических потребностей, и на уровне волевого поведения, связанного с объективизацией, специфической только для человека (см. подробнее 12, 250-257). Можно представить себе, что и "установка" имеет соответственно несколько уровней. Первый уровень можно связать с той степенью организации состояния субъекта, когда психическая деятельность представляет собой "автоматизированное" поведение. Благодаря наличию импульса актуальной потребности (источник, предпосылка активности) и при наличии соответствующих условий ее удовлетворения (актуальной ситуации) появляется актуальная установка, на основе которой совершается акт импульсивного поведения. Подобный уровень поведения имеет место у всех живых существ. У человека возникающий в таких случаях образ проходит мимо сознания, т.е. существует "безосознательно". Интересным в связи с этим представляется исследование Ф.В.Бассина (3).

Ф.В.Бассин прежде всего обращает внимание на то, что необходимо различать понятие неосознаваемых форм психической активности и понятие неосознаваемых форм высшей нервной деятельности. К неосознанным формам психики можно отнести, например, онтогенетический процесс формирования психики ребенка, когда ребенок отражает мир, но еще не осознает, или нарушение осознания субъектом своих переживаний при различных клинических случаях и т.д. Все эти явления могут быть объяснены с помощью психологических понятий. Это фактически то же, что И.С.Беритов называет образной психонервной деятельностью. Несколько иная картина наблюдается при анализе

неосознаваемых форм высшей нервной деятельности. Она связана с фактами сложного приспособительного поведения (например, в случае "автоматизированного" действия). Здесь отсутствует фактор не только осознанности, но и переживаемости, и единственной категорией, через которую можно исследовать эту активность, служит категория "установки".

Теория "установки" раскрывает сущность "бессознательно-го" и дает возможность экспериментально исследовать его. Она показывает психологические основы "бессознательного" как одного из аспектов регуляции поведения. Образ строится на основе анализа информации. Главная функция неосознаваемых форм высшей нервной деятельности раскрывается в связи с процессами переработки информации, которые приводят к формированию "установок". Кроме того, неосознаваемые формы высшей нервной деятельности благодаря учению об "установке" выходят за рамки чисто физиологического аспекта. "... отношения между "структурным бессознательным" (по Bellak) и сознанием, - утверждает Ф.В.Бассин, - совсем не тождественны тем, которые обычно подразумевают, говоря о связи между так называемыми "психическими процессами" и составляющими их субстрат "физиологическими механизмами" (3, 266).

Ф.В.Бассин подчеркивает, что нет никаких оснований рассматривать отношение между сознанием и "бессознательным" только как антагонистические, причем последнее считать доминирующим над сознанием. Неосознаваемые формы высшей нервной деятельности - результат длительного развития, стимулированного естественным отбором. Это отношение носит, в основном, синергический характер, который способствует адекватным приспособительным актам. Причем исследование отношений между сознанием и "бессознательным" обнаруживает изменчивость, неустойчивость в содержании осознаваемых и неосознаваемых форм мозговой активности.

Можно сделать вывод, что на уровне "автоматизированного" поведения активностью образа объясняется способность человека к быстрому и целесообразному регулированию внешних воз-

действий. Общепсихологическая теория "установки" полностью включается в анализ активности образа, сами же "установки" оказывают существенное влияние на степень активности образа.

Второй уровень "установки" связан с актом объективации, который, как считает Д.Н.Узнадзе, "является специфическим состоянием, свойственным человеку, состоянием, которого лишено животное и на котором по существу строится все преимущество человека над этим последним, строится возможность нашего логического мышления" (12,256). Именно познавательный образ как разновидность психического образа связан с осознанием действительности, и поэтому в процессе его формирования появляется и другой вид активности, основывающийся на более высоком уровне "установки". Это объясняется тем, что познавательный образ возникает на уровне волевого поведения человека. В таких случаях, исходя из импульса потребности, связанного с определенной ситуацией, реальной или воображаемой, "установка" возникает только через акт субъективации (т.е. преломления в сознании). В следующем затем процессе объективации заключен прогресс в развитии природы, так как человек получил возможность "высвободиться от принуждения импульса актуальной потребности и, следовательно, поставить вопрос о будущем своем поведении: теперь он сам должен решить, как себя вести, раз он уже не следует за импульсом актуальной потребности" (12,397). Здесь начало мыслительного процесса.

В данном случае "установка", с одной стороны, способствует, а с другой - замедляет темпы развития познавательного и гносеологического образов. Чем отличается творческое мышление от обиденного? Прежде всего умеем подойти к исследуемой проблеме по-новому, поиском путей решения, объяснения, применения и т.д., одним словом, способностью преодолеть старые каноны и "установки". В процессе познания действительности у человека образуются определенные теоретические и практические "установки". С одной стороны, они спо-

способствуют быстрому накоплению знаний, решению определенных вопросов и т.д., а с другой, — они мешают нестандартному, оригинальному подходу к проблеме.

Таким образом, характер творческого, активного процесса познавательный и гносеологический образ приобретают лишь потому, что воспроизведение, анализ объекта совершается при активной переработке прошлого опыта и, во-вторых, потому, что образ соответствует актуальным задачам предметно-практической и познавательной деятельности человека. В данном случае уровни "установок" определяются характером самого мыслительного процесса.

И, наконец, третий уровень "установки" может быть связан с поведением человека в целом и в последнее время часто встречается в социологии под названием "социальная установка". Развитие марксистской теории личности, как пишет В.В. Водзинская, "... требует понимания механизма взаимодействия личности и окружающей действительности в двух планах: со стороны объективной обусловленности этого взаимодействия и со стороны "внутреннего мира" личности (группы)" (7,48). Теория личности непосредственно связана с волевым поведением человека. Импульс потребности принимает форму окончательного решения при наличии осознанной мотивации. Сочетание осознанных мотиваций и определенных действий способствует созданию ряда закрепленных в жизнедеятельности "установок" личности. Общественно-исторический опыт человечества и личный опыт служит источником для возникающих установок. На протяжении всей жизни человека через воспитание, образование, трудовую деятельность, воздействие коллектива и средства массовой коммуникации идет формирование множества актуальных "установок". Одни из них закрепляются, другие исчезают, третьи возникают вновь через определенное время, характеризуются неадекватным значением для поведения индивида и т.д. "Относительно устойчивая система фиксированных установок, выработанных в результате способности человека к объективации, основанных на эмоциях, знаниях,

психика в отрыве от нормально функционирующих физиологических процессов мозга и всей нервной системы человека осуществать не может, но в то же время к ним не сводится. Психическое отражение есть свойство высокоорганизованной материи, функция мозга, которая зарождается, проявляется и существует только через деятельность и на основе деятельности.

Как видно из схемы, обратная связь выполняет существенные функции. Во-первых, она обеспечивает возможность соотношения нервной модели с объектом и тем самым - процесс субъективации и формирования образа. Во-вторых, на основе принципа обратной связи образ соотносится с отраженным объектом, противоречие между объектом и образом разрешается путем развития последнего от образа (1) к образу (2) и т.д. Этим повышается степень адекватности отражения. И, в-третьих, в действительности, обратная связь реально существует в виде деятельности человека, на основе которой осуществляются все отражательные процессы человека.

Итак, проведенный анализ активности образа позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, активный характер образа определяется активностью самого процесса отражения, охватывающего все уровни развития материи. Во-вторых, обращение к облепсихологической и социальной теории "установки" позволяет исследовать внутренний механизм бытия образа, так как через "установку" образ активно включается в жизнедеятельность субъекта.

В-третьих, если при помощи понятия "установки" выясняется внутренний механизм формирования образа, то принцип обратной связи вскрывает внешнюю структуру механизма функционирования образа.

В-четвертых, характер и вид деятельности не индифферентен к возникшему образу, а по существу влияет на его содержание. Образ представляет собой не простое воспроизведение субъектом в идеальной форме внешнего объекта, образ опосредуется видом деятельности.

Л и т е р а т у р а

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч., Изд 5-е, т.18.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч., Изд.5-е, т. 29.
3. Бассин Ф.В. Проблема "бессознательного". /О неосознаваемых формах высшей нервной деятельности/. М., "Медицина", 1968.
4. Бассин Ф.В. Предисловие к книге И.Т. Бжалава "Психология установки и кибернетика". М., "Наука", 1966.
5. Бжалава И.Т. Восприятие и установка. Тбилиси., "Мецниереба", 1965.
6. Васильев С. Активность отражения. Отражение, познание, логика. София, 1973.
7. Водзинская В.В. Понятие установки, отношения и ценностной ориентации в социологическом исследовании. - "Философские науки", 1968, № 2, с.48-54.
8. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., АН РСФСР, 1960.
9. Георгиев Ф.И. Введение. Сознание - субъективный образ вещей. - В кн.: Проблемы отражения. М.; МГУ, 1969, с. 3-8.
10. Зеленов Л.А. Процесс эстетического отражения. М., "Искусство", 1969.
11. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., АН СССР, 1957.
12. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М., "Наука", 1966.
13. Штофф В.А. Введение в методологию научного познания. Л., Ленингр. ун-т. 1972.

1к

ЕВТИН И.Ф.

О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ИСТИННОГО ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ОБРАЗА

В.И. Ленин писал, что учение марксизма и его философия возникли не в стороне от развития мировой цивилизации, напротив, марксизм дал ответ на те вопросы, которые передовая мысль уже поставила, и материалистическая диалектика как "душа марксизма" является в этом смысле непосредственным продолжением учений величайших представителей философской мысли прошлого (7,40).

Применение диалектики к теории отражения, достраивание материализма "доверху" /материалистическое понимание истории/, введение критерия практики в теорию познания - эти основополагающие принципы марксистской философии послужили теоретическим фундаментом для правильного понимания предпосылок научной постановки и решения проблемы истины. Одной из таких предпосылок является диалектико-материалистическое понимание сущности познавательного образа вообще и истинного познавательного образа в частности.

Познавательный образ является идеальным и по форме, и по содержанию, при этом идеальность характеризует познавательный образ в целом, а субъективность или объективность образа сознания представляет собой лишь одну из сторон идеального. Специфика содержания истинного познавательного образа в его отличие от ложного состоит в том, что истинный познавательный образ отражает свой объект адекватно, приближительно верно. Кроме того, объективная сторона истинного познавательного образа, его содержание, предполагает независимость этого содержания от субъекта.

Сами по себе указанные черты истинного познавательного образа - адекватность отражения и объективность содержания - в общем представляются на данном этапе достаточными признаками для характеристики истины. Реальные трудности возник-

кают при попытках дать однозначное понимание объективности истины в сочетании с определением истины как феномена сознания, т.е. содержание, не зависящее от сознания, определить как адекватно отраженное в сознании и только в нем одном и существующее.

Указанная проблема нашла отражение в нашей литературе, в частности, в вопросе об определении истины как истины объективной и соотношении этой дефиниции с так называемым "общим" определением истины. Один из возможных путей решения - дать два определения истины : 1/ общее определение истины как содержания познавательного образа, адекватно отображающего свой объект; 2/ определение объективной истины, понимаемой как такое содержание наших знаний, которое не зависит от субъекта, человека и человечества. Указанная позиция, однако, не приводит к конструктивным решениям уже хотя бы потому, что сторонники "двойного определения" истины, чтобы не впасть в противоречия, вынуждены истину "вообще" и объективную истину определять по сути дела одинаково (18,29-30; 20, 188) или в одной дефиниции совмещать как признаки истины вообще, так и признаки объективной истины путем простого их перечисления (15,66).

Говоря об объективной истине как содержании наших представлений, которое не зависит от субъекта, следует однозначно определить, какой смысл вкладывается в понятие "содержание наших представлений". Если исходить из отношения сознания к объекту познания (объективный мир), то содержанием знания, содержанием наших представлений (в широком смысле) можно считать самую объективную реальность, существующую вне и независимо от человека. Если же продолжить анализ познавательного процесса в самом сознании, то в качестве содержания знания предстанет уже само отражение объекта, формой же существования этого содержания будут выступать формы чувственно-рационального отражения действительности (ощущения, восприятия, понятия, суждения и т.д.).

Таким образом, содержание наших представлений может трактоваться как в качестве объекта познания, существующего вне и независимо от субъекта, так и в качестве отражения объективной реальности (объекта) в сознании. Это обстоятельство дает известные основания для двусмысленных толкований ленинского определения объективной истины как такого содержания человеческих представлений, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества. Заметим, что у Ленина речь идет именно о содержании человеческих представлений, и, следовательно, объективная истина определяется как нечто находящееся в мысли, сознании, но не зависящее от последнего. При определении объективной истины, понятие объективности, выражение "независимо от человека и человечества" имеет иной смысл, нежели понятие объективности при определении категории "материя". Понятие "объективность" при определении истины обозначает содержание наших представлений, теорий, которое не зависит от человека и человечества в том смысле, что человеческое сознание не произвольно конструирует эти представления. Последние являются адекватными образами объективной реальности, поэтому это отражение материального мира в наших представлениях, хотя и существует в сознании, но определяется объективной реальностью, существующей вне нашего сознания. Объективность истины не тождественна объективности материального мира. Объективное — не только то, что существует вне и независимо от сознания, в нашем сознании также есть независимое от нас (объективное) содержание. Объективное и идеальное нельзя ни отождествлять, ни противопоставлять. Объективность внешнего мира и объективность истины имеет соответственно материальную и идеальную природу. Недооценка указанного различия может привести к отказу от признания того, что в сознании человека (идеальном) есть объективное. С другой стороны, поставив знак равенства между объективностью материального мира и объективностью истины мы будем вынуждены сделать истину характеристикой самого предмета, который безотносительно к субъекту якобы может быть и неистинным. (23, 257);

Подобную позицию, приводящую в итоге к идеалистическим выводам, можно проиллюстрировать рассуждениями А.Айера(II). Не следует повторять ошибку идеалистов, которые считают, что лишь наше мышление делает нечто истинным или ложным, пишет Айер. Предложение может быть истинным, по его мнению, невзирая на то, что никто в него не верит. С этими рассуждениями вполне можно согласиться. Однако далее Айер отождествляет истинность факта и сам факт, истинность суждения и сам предмет суждения. Он приводит примеры таких фактов(истин): а) количество рыб, плавающих сейчас в Северном море, б) число людей, родившихся и умерших за последние 400 лет и т.д. Конечно, количество рыб, плавающих сейчас в Северном море, в принципе измеряется вполне конкретным числом и объективность этого факта не зависит от человека. Однако это не дает оснований для утверждения, что сам факт наличия данного числа рыб в Северном море является объективной истиной.

Нет ни одной вещи, существование которой логически зависело бы от того, была она описана или нет, продолжает Айер, и в этом смысле и мир, и все факты, связанные с ним, существуют, и нам остается их открывать. Делая этот "реверанс" в сторону материализма, Айер тем не менее заявляет, что та схема, в которую должны уложиться открываемые нами факты, зависит от нашей концептуальной схемы, и, следовательно, то, что мы считаем миром, зависит от наших концептуальных схем: "Содержание и структура фактов определяются содержанием и структурой тех предложений, которые они призваны подтверждать".(II,103-104). Признав на словах объективность мира, фактов объективной действительности, Айер пришел тем не менее к идеалистическим выводам именно потому, что не смог решить вопроса, как содержание объективного мира может "войти" в сознание таким образом, чтобы определяться при этом не концептуальной схемой самого сознания, а объективным миром, другими словами, как в сознании может

быть дано объективное, независимое от него содержание (объективная истина).

Истина объективна не в том смысле, что она может существовать независимо от человека и человечества в качестве какого-то самостоятельного бытия. Характеризуя объективную истину как истину, не зависящую от человечества (6, 124), Ленин таким образом акцентирует внимание на том факте, что человек лишь отражает окружающий мир, а не конструирует предмет познания из головы, прибегая при этом к какой-нибудь "концептуальной схеме". В то же время говорить о процессе познания, а следовательно и о знании, как результате познавательного процесса, об истине, мы можем лишь при наличии определенного отношения между субъектом и объектом. Познание независимо от познающего есть, как говорил Плеханов, логическая бессмыслица (9, 501).

Понятие истины лишено смысла вне процесса познания, процесса отражения, поэтому под содержанием познавательного образа нельзя понимать самое объективную реальность, объект познания, так как это было бы перенесением гносеологических понятий в объективную реальность. Некоторые авторы утверждают, что можно, например, говорить об истинности суждения "земля существовала до человека" и по отношению к тому времени, когда не было людей вообще (17, 6). Но В.И. Ленин писал в этой связи, что объективной истиной является утверждение естествознания о существовании земли до человека (6, 124). По отношению же к тому времени, когда не было людей, мы можем лишь говорить о наличии самого факта существования земли до человека, но ставить в этом случае вопрос об истине бессмысленно. В одержании суждения "земля существовала до человека" мы лишь фиксируем объективно-реальный факт, который никакими суждениями "отменить" невозможно. В то же время содержанием данного суждения будет являться не сам эмпирический факт существования земли до человека, а отражение этого фак-

та в нашем сознании. Но так как и поскольку это отражение соответствует тому, как обстоит дело в действительности, - поэтому и постольку содержание наших представлений не зависит от отображаемого объекта.

Постановку вопроса об истинности суждения "Земля существовала до человека" по отношению к тому времени, когда не было людей вообще, следует, кроме всего прочего, признать неправомерной, так как на этот вопрос нельзя дать однозначного ответа.¹ Действительно, если дать положительный ответ, получится, что истинное суждение может существовать даже до возникновения субъекта, который мог бы это суждение высказать. Если дать отрицательный ответ, то выходит, что суждение "Земля существовала до человека" стало истинным лишь с появлением человека, стало быть содержание суждения зависит от субъекта, и его в таком случае нельзя признать объективной истиной (и в то же время мы знаем, что суждение "Земля существовала до человека" является объективной истиной). Таким образом, как положительный, так и отрицательный ответ привел к очевидным противоречиям, и это говорит о некорректной постановке самого вопроса об истинности суждения "Земля существовала до человека" по отношению к тому времени, когда человека не существовало. С таким же "успехом" можно спрашивать, например, о том, сладок или горек мед сам по себе. Справедливо замечая, что этот вопрос равнозначен вопросу о том, каково ощущение там, где нет ощущающего, Плеханов называл такие вопросы нелепыми (9,494-495).

В то же время не лишен смысла вопрос о том, было ли, например, истинным учение Коперника и тогда, когда все считали это учение заблуждением. Если ответить на этот вопрос положительно, а это единственно правильный ответ, то отсюда

¹ В формальной логике подобная уловка называется ошибкой многих вопросов, когда задается сразу несколько вопросов под видом одного, но ответ на предложенный вопрос требуется однозначный: да или нет (20,370).

необходимо следует вывод, что истинность или ложность наших познавательных образов не зависит от их проверки. Утверждая обратное, мы будем вынуждены заключить, что те или иные научные положения, суждения и т.д. становятся истинными лишь после их проверки или в процессе проверки, что они становятся истинными лишь после того, как получают подтверждение. Последовательно проводя эту точку зрения, мы должны будем включить в определение объективной истины способ ее проверки, ее критерий, и тогда окажется, что вообще говорить об объективной истине имеет смысл только в том случае, если возможно ее установить.¹ Тем самым ставится под сомнение сама объективность истины, ибо истина становится зависимой от способа проверки и, следовательно, от субъекта. Конечно, понимание истины тесно связано с той или иной трактовкой ее критерия. Но необходимо различать самое истину и способ ее проверки, одно нельзя принимать за другое, и на это обращал особое внимание Ленин, подчеркивая, что вопрос о критерии истины — это вопрос, о котором надо говорить особо, не смешивая этого вопроса с вопросом об объективной истине (см. 6, 124). Роль критерия истины состоит не в том, что он создает истинность той или иной теории, а в том, что он обнаруживает и подтверждает, доказывает содержание этой теории. Еще до проверки данной теории и независимо от этой проверки теория может являться объективно истинной.

Истина всегда объективна, не объективных истин не бывает, и в этом смысле признание субъективной истины представляло бы собой логическое противоречие. В то же время вполне правомерен вопрос о характере наших представлений в случае неадекватного отражения объекта. Объективность содержания истинного познавательного образа состоит не только в том, что сознание человека отражает объективную реальность, ибо в указанном смысле объективно было бы и заблуждение.² Объективная истина противопоставляется заблуждению именно в

¹ Такую точку зрения защищает Х. Вессаль (14).

² Некоторые авторы говорят об объективности заблуждения именно на том основании, что оно определяется бытием (26, 65; 27, 97).

независимости ее содержания от субъекта, тогда как говорить о такой независимости содержания ложного познавательного образа не представляется возможным. Сама по себе объективная реальность не является источником, причиной ни истины, ни заблуждения, но возможность неосознанного "превращения идеи в фантазию" (Ленин) может заключаться уже в самых простых обобщениях. "Отлет фантазии от жизни", даже если он и не осознается,¹ носит тем не менее безусловно субъективный характер, т.е. содержание ложного познавательного образа определяется прежде всего не содержанием самого объекта, а является результатом определенной односторонности познания, неправомерной абсолютизации субъектом тех или иных моментов, аспектов, связанных с данной познавательной ситуацией.

При различении объективного и субъективного в характеристике содержания познавательного образа необходимо учитывать, во-первых, общую неоднoplanовость смыслового значения употребляемых терминов "объективное" и "субъективное", во-вторых, не только взаимосвязанность, но и парность такого рода философских категорий, т.е. зависимость смыслового содержания одной от контекста употребления другой. Когда мы противопоставляем материю, как сферу объективной реальности, сознанию в целом, как сфере субъективной реальности, то понятие "субъективное" имеет смысловое содержание, по сути дела однопорядковое с понятием идеального. Но поскольку как истина, так и заблуждение выступают исключительно в качестве феноменов сознания, т.е. имеют идеальную природу, возникает необходимость их различения в сфере самого сознания, вследствие чего категории "объективное" и "субъективное" приобретают более глубокое смысловое содержание.

¹ Мы отыскиаемся в данном случае от психологического различения "преднамеренной лжи" и "искреннего заблуждения", ибо с точки зрения логических значений "неистина" ("ложь") и "неистина" ("отсутствие знания") равны между собой, и различаются лишь с введением третьей значимости: "неосознанно" (см. 22, 172).

Таким образом ; о субъективности заблуждения речь идет как о противоположности объективности истины, т.е. о противоположности исключительно в рамках сознания. Конечно, об "объективных основаниях" заблуждения можно говорить, но лишь в том смысле, что содержание ложного суждения тоже является отражением действительности. В этом смысле и истина, и заблуждение имеют одно и то же "объективное основание" - отражаемый объект реальности. Но здесь общие основания кончаются и начинается различие. Главное отличие истинного познавательного образа от ложного состоит в том, что содержание адекватного отражения объекта не зависит от субъекта, если последним реальные связи и отношения действительности воспроизведены в соответствии с тем, как обстоит дело вне и независимо от субъекта познания. Напротив, содержание неадекватного отражения в значительной степени обусловлено теми "дополнениями", которые субъект привносит "от себя", абсолютизируя те или иные реальные моменты познания, делая поспешные обобщения и выводы вследствие недостаточно внимательного изучения объекта и т.д.

В этом, и только в этом смысле безусловная субъективность заблуждения противопоставляется абсолютной объективности истины. Конечно, анализ реального познавательного процесса можно продолжить уже в рамках собственно заблуждения, и в этом случае феномен заблуждения можно было бы исследовать с точки зрения его "объективных оснований". Но это был уже следующий уровень анализа, более высокий уровень абстракции, на котором смысловое значение понятий "объективное" и "субъективное" еще более обогащается /углубляется/.

Понятие субъективного применительно как к познанию, так и к сознанию в целом, чрезвычайно сложно и многогранно. Это объясняется кроме всего прочего наличием глубокой диалектической связи между объективным и субъективным и связанной с этим неоднозначностью употребления термина "субъективное" в различных смыслах и значениях. Так, говорят о субъективном факторе, субъективных причинах, субъективном подходе, субъек-

ективной логике и т.д., придавая каждый раз тот или иной оттенок термину "субъективное", вкладывая в него различное содержание.

Из всего многообразия возможных интерпретаций субъективного целесообразно выделить следующие: 1) понимание субъективного как идеального; 2) применение категории "субъективное" для обозначения относительности, ограниченности познания; 3) понимание субъективного как активного практического отношения человека к действительности. Рассмотрим возможность использования характеристики субъективного применительно к анализу категории объективной истины в указанной последовательности.

Выше указывалось на недопустимость отождествления объективной реальности и объективного в познании. Замечим, что в такой же степени неправомерно и отождествление сознания, идеального (субъективной реальности) и субъективного. Было показано, что последовательное проведение точки зрения отождествления объективного в познании с объективной реальностью помещает в сфере сознания одно лишь субъективное. Но в таком случае объективное в сознании остается объявить чем-то таким, что, собственно, принадлежит не сознанию, а самому отраженному в нем объекту,¹ и объективную истину придется или "перенести" во внешний мир, или же, сохранив идеальную природу истины, лишить ее тем не менее каких бы то ни было объективных характеристик.

Часто говорят, что истина есть единство объективного и субъективного как по форме, так и по содержанию. Что касается субъективности содержания истины, то об этом можно говорить лишь в смысле принадлежности субъекту содержания познавательного образа. Если вкладывать иной смысл в понимание субъективности истины по содержанию, то возникнет противоречие с определением объективной истины как содержания человеческих представлений, независящего от субъекта. Субъективное содержание, как было показано, может заключать в себе только заблуждение, неистинный познавательный образ.

¹ Как, С. Б. Церетели пишет, что "при отрицании субъективного момента в истине остается лишь предмет" (см. 28, 74).

Объективность истины по форме также должна быть истолкована вполне однозначно, а именно только лишь в том смысле, что мышление человека в целом, как по содержанию, так и по форме является отражением объективного мира, что человеческие понятия "объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике" (8,190). Нельзя согласиться с утверждением, что поскольку ни ощущения, ни понятия не существуют в объективной реальности, поэтому требование объективности относится только к содержанию знания. Во-первых, содержание знания тоже не существует в объективной реальности, и, во-вторых, подчеркивание объективности содержания за счет отрицания всякой объективности формы знания неоправдано, ибо само признание объективности истины по форме вполне правомерно, но лишь в известных пределах.

Субъективность формы истины обычно понимается как принадлежность мышления человеку (субъекту), связывается с тем несомненным положением, что структура аппарата восприятия человека так или иначе влияет на формирование образа внешнего мира в сознании. Такая трактовка субъективности формы истины не вполне оправдана, и утверждать это можно по двум причинам. Во-первых, характеристика образа сознания как субъективного ничего не добавляет к идеальной природе образа в целом, и в итоге совпадает с идеальным, покрывается им, т.к. идеальное не существует в иной связи, как с сознанием, познанием человека в образах; субъективное не может не быть идеальным. Во-вторых, собственно "человеческий фактор" в истине еще ничего не говорит о форме познавательного образа, в которой мы только и можем утверждать или отрицать что-либо о соответствии, адекватности содержания познавательного образа и объективной реальности (истина) или неадекватности отношения первого ко второй (заблуждение). Маркс писал, что "форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания" (I,159). Сознание человека в целом можно было бы, конечно, представить как форму познавательного образа, но в таком случае данная форма в значительной степени утратила

бы свои ценности именно вследствие слишком широкого содержания. Действительно, субъективными (т.е. человеческими) в отменном выше смысле являются и эмоции, и воля и т.д., которые, хотя и связаны с формированием познавательного образа, но как таковые "в чистом виде" не входят в его структуру.

По нашему мнению, элементарной формой познавательного образа, формой мысли, которая может служить утверждению или отрицанию наличия соответствия, адекватности мысли и объективной реальности, является суждение. Вопрос о правомерности наделения статусом истинности чувственных форм отражения действительности нуждается в специальном анализе и поэтому в рамках настоящей статьи не рассматривается. Что касается понятия, как одной из рациональных форм отражения, то во избежание споров по поводу правомерности квалификации понятий в качестве истинных или ложных необходимо и вполне достаточно разграничить смысловые значения категории "понятие" в узком /как термин суждения/ и широком толковании /как совокупность суждений о существенных признаках определяемого понятия/. Последнее из указанных значений вполне правомерно связывать с утверждением или отрицанием соответствия отличительных признаков предмета или явления реальной ситуации, о которой идет речь. Понятие же, рассматриваемое как термин суждения, не может быть связано с утверждением или отрицанием чего-либо о чем-либо, поэтому применение категории истины или заблуждения в данном случае неуместно.

Субъективное в содержании истины иногда связывается с неполнотой, ограниченностью человеческого знания вообще (другими словами, с "относительностью" всякой истины). Думается, что подобное отождествление относительной истины и субъективного момента в знании неправомерно. Не отличаясь от объективной истины по своему источнику, содержание относительной истины, как истины объективной, так же не зависит от субъекта, поэтому, как представляется, категория субъективного не может быть применена и в характеристике относительной истины (в данном аспекте). Изменение степени полноты воспроизведения объективной реальности в содержании наших

познавательных образов, становление знания от неполного, неточного к более полному и точному — есть объективный процесс развития человеческого познания вообще (6, 102). Относительность не отменяет, не умаляет объективности истины, ибо в материалистической диалектике речь идет вовсе не о том, чтобы положить принцип относительности наших знаний в основу теории познания. Сделать это — значит, как писал Ленин, осудить себя на абсолютный скептицизм и агностицизм. "Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное" (8, 317). Из абсолютизации относительности человеческих знаний у релятивистов вытекает отрицание объективной и абсолютной истины, тогда как в материалистической диалектике признание относительности истины связано не с отрицанием объективной истины, а лишь с исторической условностью пределов приближения наших знаний к этой истине (6, 139).

Отмечая, что относительность и объективность в вопросе об истине не являются взаимоисключающими категориями, В.И. Ленин неоднократно подчеркивал также теснейшую двустороннюю связь объективной и абсолютной истины в том смысле, что, с одной стороны, нельзя отрицать абсолютной истины, не отрицая существования объективной истины, а с другой стороны признание объективной истины требует так или иначе признавать и абсолютную истину. В то же время Ленин указывал на недопустимость смешения вопросов об объективной истине и вопроса о том, "могут ли человеческие представления, выражающие объективную истину, выразить ее образ, целиком, безусловно, абсолютно или же только приблизительно, относительно" (см. 6, 124; 6, 134; 6, 139)? Подобное смешение вопроса об объективной истине с вопросом об абсолютной истине может привести или к полному отрицанию объективной истины, или к отказу дать научное определение истины на том основании, что полный научно-исчерпывающий ответ на вопрос, что такое истина, является, по существу, идеалом философской мысли, которая, якобы, до сих пор не получила на этот вопрос окончательного ответа.¹

¹ Эту точку зрения разделяет Т. Павлов (см. 24, 428).

Оттождествлению объективной и абсолютной истины в некотором роде "способствует" отсутствие в нашей литературе сравнительно однозначного понимания абсолютной истины. Например, определение абсолютной истины как полного, исчерпывающего знания, содержало бы в себе внутреннее противоречие уже хотя бы потому, что в качестве наличного, уже достигнутого знания таковое не может отражать свой объект исчерпывающим образом, полностью, до конца. Энгельс писал, что всеобъемлющая, законоточная система познания природы и истории противоречит основным законам диалектического мышления (3,24). Если же говорить об абсолютной истине как цели, идеале, возможности познания мира исчерпывающим образом, то это противоречило бы определению объективной истины как имеющегося в наших познавательных образах содержания, адекватно отражающего объективный мир и независящего от субъекта. Абсолютный характер истинного познания можно, конечно, связывать с вечным, асимптотическим процессом приближения к абсолютной истине как исчерпывающему знанию, как некоторому окончательному знанию об определенных аспектах действительности (сумма зерен абсолютной истины приближает человека ко все более полному познанию предмета), но говорить об абсолютной объективной истине одновременно как о только возможном и как о действительном знании - по меньшей мере не вполне точно.

Признавая целесообразность попыток так или иначе заострить внимание на отдельных аспектах понимания категорий "абсолютная истина" и "относительная истина", следует подчеркнуть, что конкретизация данных понятий в любой их интерпретации не должна отменять важнейших характеристик объективной истины. В качестве отличительного признака абсолютной истины иногда предполагается использовать признак неопровержимости содержания истины в будущем, тогда как по отношению к истине относительной частичная опровержимость (изменение, уточнение) ее содержания в принципе допускается. Согласно такой трактовке абсолютная истина соответствует отражаемой действительности всем своим содержанием и притом абсолютно, а относительная истина - только частью своего содержания и притом

относительно, условно, приблизительно (19,5; 19,16; 19,18).

Эта точка зрения также нуждается в некотором уточнении. Думается, что неопровержимость содержания истины в будущем вполне правомерно интерпретировать в качестве свойства объективной истины (в единстве ее абсолютного и относительно-го моментов), поскольку содержание последней не зависит от субъекта. В противном случае мы неизбежно будем поставлены перед следующей альтернативой. 1) Признать независимое от субъекта содержание наших познавательных образов опровержимым в будущем. Ни в этом случае его уже нельзя считать независимым, ибо таковым может являться только такое содержание, опровержимость или неопровержимость которого не зависят от желания субъекта. 2) Признать зависимым от субъекта такое содержание человеческого представления, по отношению к которому допускается опровержимость этого содержания в будущем. Но здесь мы имели бы дело уже не с истиной, а с заблуждением, которое лишь неосознанно принимается за истину или сознательно за нее выдается.

Содержание отдельного суждения должно, по нашему мнению, оцениваться вполне однозначно: либо как истинное, либо как ложное (заблуждение). Поскольку содержание такого суждения соответствует своему оригиналу, постольку оно является абсолютно - истинным отражением последнего. Но всякое соответствие (поскольку речь идет именно о соответствии, а не о тождестве) носит в то же время относительный характер, поэтому и степень приближения мысли к объекту, адекватное (абсолютно-истинное) отражение последнего, - будет всегда связано с определенной "неполнотой", "приблизительностью", "незавершенностью", и в этом смысле соответствие содержания истинного познавательного образа отраженному в нем оригиналу будет носить конкретно-относительный характер на любом этапе развития нашего познания.

Сказанное о соотношении абсолютного и относительного моментов истинности отдельного суждения, в целом распространяется и на теорию как совокупность основополагающих ее суждений. При этом необходимо иметь в виду, что истинность (ложность) теории связана, как правило, с наличием в составе данной теории, истинной (ложной) в своей основе, в целом, - не-

которых ложных (истинных) положений, которые в качестве таковых могут быть осознаны и выделены лишь в процессе последующего развития познания и практики. "... То, что ныне признается истиной, имеет скрытую теперь ошибочную сторону, которая со временем выступит наружу; и совершенно так же то, что признано теперь заблуждением, имеет истинную сторону..."

(5 , 303). Содержание элементов истины (заблуждения) в ложных (истинных) теориях не означает, что противоположные истинностные оценки относятся в рамках данной теории к одним и тем же положениям. Включение заблуждения в содержание объективной истины стирало бы всякую грань между ними. Указывая на путаницу у И. Дидгена в связи с его попытками "примирить" противоположность истины и заблуждения путем включения первой во второе и наоборот /"истинная ложь" у Дидгена и т.п./, Плеханов писал, что Дидген "запугался в собственных доводах" (9, 121-122). Возможность "осуществования" истины и заблуждения заключается в данном случае именно в том, что отражение определенной теорией (в комплексе взаимосвязанных идей) объективной реальности является истинным(ложным) в отношении, не совпадающим с ложностью (истинностью) отдельных ее положений. Поэтому если неопровержимость истинности отдельных суждений безусловно распространяется и на будущее, то о неопровержимости всех без исключения положений истинной теории речь может идти лишь применительно к конкретно-историческому уровню развития науки и практики своего времени (поскольку отдельные положения теорий, которые лишь принимались за истинные, подлежат безусловному опровержению в будущем). При этом истинная теория в целом сохраняет, разумеется, свою неопровержимость и в будущем, поскольку содержание ее основных положений соответствует отражаемой в них области действительности. Именно о такой неопровержимости говорил Ленин, характеризуя истину, содержание которой не может быть опровергнуто в будущем(6, 134).

Отсутствие абсолютной антитезы между истиной и заблуждением создает известные трудности в разграничении между не-

полнотой, приближительностью всякого знания и заблуждением. Данная проблема, разознававшаяся уже в домарксистской философии, ставится также в современной идеалистической философии (Б. Рассел, Г. Рейхенбах, Ф. Франк и др.). Рассел пишет в "Человеческом познании", что мы не можем сказать, при какой степени сомнительности (недоверности) наше знание перестает быть знанием, поэтому знание следует считать вопросом о "степени правдоподобия", а абсолютное понятие знания должно быть, по его мнению, заменено понятием "знания со степенью истинности "р", где "р" будет измеряться математической вероятностью (I2, I32; I2, I9I; I2, 460; I2, 530). Аналогично, согласно Рейхенбаху, справедливости каждой научной теории можно приписать числовое значение, которое может быть вычислено на основе экспериментальных подтверждений этой теории с помощью методов обычного исчисления вероятности (см. I3, 478).

Разумеется, оценка идей, теории с точки зрения не только качественных характеристик "истинно" или "ложно", но и количественно, по степени адекватности отражения объекта в содержании истинного познавательного образа имеет место в реальном процессе взаимодействия субъекта с окружающим миром и, конечно, как отмечал еще Аристотель, не в одинаковой мере заблуждается тот, кто принимает четыре за пять, и тот, кто принимает их за тысячу (см. IO, 69). Система многозначной логики, в отличие от двузначной, допускает по крайней мере три значения истинности (а в принципе — бесконечное число значений), при этом в качестве третьего, четвертого и т.д. значений используются понятия "возможно", "вероятно", "нейтрально", "неопределенно", "неизвестно" и другие. Не рассматривая специально вопроса о соотношении категорий истинности и ложности в многозначной логике, а также проблемы приближенной оценки вероятности высказывания, входящего в научную гипотезу (или вероятности гипотезы в целом)^I, заметим, что вероятностная логика, как вид многозначной ло-

^I См. по этому вопросу: I6, 303-304; 25, 5I-6I.

гики, связанная с исследованием степени правдоподобия (вероятности) высказываний (суждений), истинностные значения которых заключены в промежутке между истиной и заблуждением, сама по себе не является дополнительным научным аппаратом, в рамках которого обосновывается разделение истин как вероятностей различных степеней или вводятся какие-то промежуточные значения между истиной и заблуждением. Когда речь идет об однозначной оценке содержания отдельного суждения как либо истинного, либо ложного, то имеется в виду система истинностных оценок, принятая в двузначной формальной логике, исходящей, как известно, из признания только двух значений истинности: "истинно" и "ложно". Разумеется, степень глубины и полноты отражения объекта, степень "приближения" мышления к объекту не является величиной исторически неизменной, но переход от познания сущности "первого порядка" к сущности "второго порядка" и т.д. был бы невозможен, если бы на всех уровнях, этапах познания объекта мы не имели отдельных теоретических положений, оценка которых /если она верна/ в качестве либо истинных, либо ложных была и остается вполне однозначной.

Конечно, заблуждения тоже играют определенную эвристическую роль в реальном процессе решения научной проблемы, но в данном случае речь идет лишь о том, что оценки "истинно" и "ложно" не могут быть одновременно применены к одному и тому же теоретическому положению в одном и том же отношении. Существует мнение, что наряду с разделением истин на абсолютные и относительные подобным же образом следует классифицировать и заблуждения. С этой точки зрения относительная истина и относительное заблуждение — это двойное обозначение одних и тех же истин, которые различаются содержанием объективности. Такая позиция неизбежно приводит, однако, к выводу, что, например, суждение "все млекопитающие живут в воде" можно считать как относительной истиной, так и относительным заблуждением (см. 18, 55-57). Между тем такое суждение нельзя считать истинным, хотя в класс млекопитающих и входят, например, киты, которые действительно

живут в воде. Но субъект этого суждения включает класс млекопитающих в целом, по отношению к которому предикат "живут в воде" является абсолютно ложной характеристикой. Следовательно, данное суждение неадекватно отражает свой объект (т.е. отношение всех млекопитающих к среде их обитания).

Категории абсолютного и относительного в содержании объективной истины наиболее полно характеризуют последнюю не только статически, как определенный продукт, итог, результат процесса адекватного отражения объективной реальности в содержании познавательного образа, но и динамически, с точки зрения самого процесса отражения действительности в сознании человека, вечного, бесконечного приближения мышления к объекту. "Совпадение мысли с объектом есть процесс: мысль (человек) не должна представлять себе истину в виде мертвого покоя, в виде простой картины (образа), бледного (тусклого), без стремления, без движения ..." (8, 176-177). Объективное, независимое от субъекта содержание, которое реализуется в истинных познавательных образах, может быть получено, достигнуто человеком только в процессе познания, в процессе практического отношения к объективному миру. Объективное содержание истины выступает, таким образом, как диалектическое единство уже полученного, зафиксированного в познавательных образах результата и того пути, которым человек "идет к объективной истине". Единственным способом достижения объективной истины является человеческая чувственная деятельность в ее марксистском понимании, и в этом смысле истина неотделима от процесса деятельности субъекта, от материальной практики человека и человечества. В таком понимании содержание истинного познавательного образа не свободно от субъективного или практического отношения человека к миру.

Л и т е р а т у р а

1. Маркс К. Дебаты шестого рейнского ландтага (статья третья). - К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. I, с. 119-160
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 3, 544 с.
3. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 20, с. 1-338.
4. Энгельс Ф. Диалектика природы, - К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 20, с. 343-626.
5. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 21, с. 269-317.
6. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. - Полн. собр. соч., т. 18, 384 с.
7. Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма. - Полн. собр. соч., т. 23, с. 40-48.
8. Ленин В.И. Философские тетради. - Полн. собр. соч., т. 29, 782 с.
9. Плеханов Г.В. Избранные филос. произведения. Т. 3, М., 1957, 784 с.
10. Аристотель. Метафизика. М.-Л., 1934, 347 с.
11. Айер А. Философия и наука. - "Вопросы философии", 1962, с. 95-105.
12. Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы. М., 1957, 555 с..
13. Франк Ф. Философия науки. М., 1960, 543 с.,
14. Вессель Х. Проблема истины в диалектике и современной логике. Автореферат на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. Изд-во МГУ, 1967, 16 с.
15. Востоков Б.И. К вопросу о семантическом понятии истины. - "Вестник МГУ", Сер. Экономика, философия", 1964, № 4, с. 60-68.
16. Горский Д.П. Проблемы общей методологии наук и диалектической логики. М., 1966, 374 с.

17. Горский Д.П., Нарский И.С., Ойзерман Т.И. Истина как процесс и как результат познания. - В кн.: Современные проблемы теории познания диалектического материализма, т.2, М., 1970, с. 3-53.
18. Джадая Л.Г. Марксизм-ленинизм о знании, истине и практике. Сухуми, 1961, 83 с.
19. Кнышов Ф.Г. Абсолютная и относительная истины, их диалектическая связь и единство в системе знаний человека. Автореферат на соиск.уч.ст.канд.филос.наук.М., 1966, с.20.
20. Кондаков Н.И. Логический словарь .М.,1971,656 с.
21. Морозов М.Н., Стемпурский Д.Н. Сознание, его происхождение и сущность . - "Философские науки", 1973, № 3 , с. 122- 132.
22. Нарский И.С. Диалектическое противоречие и логика познания.М.,1969, 247 с.
23. Наученко Л.К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата, 1968, 327 с.
24. Павлов Т. Избранные философские произведения. Т.3,М., 1962, 1827 с.
25. Сагатовский В.Н. Точность как гносеологическое понятие. - "Философские науки", 1974, № 1, с. 51-61.
26. Селиванов Ф.А. Неадекватность и заблуждение. - В кн.: Ленинская теория отражения и современность. Свердловск, 1967, с. 62-67.
27. Фомин В.И. Проблемы объективной истины в "Материализме и эмпириокритицизме". - В кн.: В.И.Ленин и некоторые вопросы теории познания. Горький, 1969, с. 43-116.
28. Церетели С.Б. К ленинскому пониманию диалектической природы истины. - "Вопросы философии", 1960, № 4, с. 74-84.

НИКИФОРОВ В.Е.

МЕТОДЫ УНИФИКАЦИИ ТЕРМИНА "МОДЕЛЬ" И ВЫРАБОТКА ОБОБЩЕННОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ

Моделирование прочно вошло в арсенал современной науки как метод научного исследования. В настоящее время, пожалуй, не существует ни одной отрасли науки и техники, которая в той или иной форме не прибегала бы к этому плодотворному методу научного исследования, ставшему поистине универсальным.

Но если в отдельных отраслях знания/ физике, кибернетике, экономике/ моделирование уже имеет некоторую историю, определенный теоретический аппарат, то философское осмысление данного метода еще, по-видимому, лишь входит в свою решающую стадию. Уже проделана весьма существенная работа по обобщению всего того многообразия форм модельного исследования, которые успешно применяются в познании. Но не смотря на это, единого понимания по целому ряду вопросов, важных для гносеологического анализа метода моделирования, еще нет. В число этих вопросов входит и такой важный вопрос как выработка единого определения моделирования.

Рассмотрение и формулирование обобщенного определения модели и моделирование является центральным моментом в раскрытии сущности моделирования как метода научного исследования. В ходе такого рассмотрения необходимо исходить из практики применения конкретных типов моделей, используемых в различных отраслях человеческой деятельности. На основе анализа многочисленных случаев использования моделей теми или иными отраслями науки и техники можно выделить следующие наиболее характерные ситуации, при которых возникает необходимость в моделировании .

I. Объект недоступен непосредственному экспериментальному исследованию/чрезмерно мал, непомерно велик, значительно удален, радиоактивен и пр./ . Модель в этом случае заменяет объект, позволяя сделать эксперимент реально осуществимым и экономически целесообразным.

2. Модель строится для того, чтобы объяснить или продемонстрировать некоторое явление или объект. Например, физик строит модель атома для того, чтобы объяснить его свойства и законы функционирования, механик строит модель двигателя внутреннего сгорания для того, чтобы продемонстрировать его работу.

3. К моделированию прибегают и в том случае, когда необходимо представить поведение объекта при некоторых заданных условиях в некоторые будущие моменты времени, а теория, позволяющая сделать это аналитически, отсутствует. Тогда изучается поведение модели и на основании этого делается вывод о поведении объекта.

4. Необходимость в моделировании часто возникает и при наличии теории. К моделированию в этом случае прибегают или для развития имеющейся теории, или для ее непосредственного применения к действительности. Так как в большинстве случаев наука имеет дело с теориями, которые являются незавершенными и находятся в стадии их дальнейшего развития и совершенствования, то модель, как средство усовершенствования теории, играет значительную роль.

5. Модель строится и для того, чтобы осуществить практическую проверку тех или иных теоретических положений, непосредственная проверка которых оказывается затруднительной по каким-либо причинам.

Уже этот, по-видимому, не полный перечень тех задач, которые могут быть успешно решены с помощью метода моделирования, показывает, что модели занимают важное место в познании. Многообразие класса моделей получает существенное развитие не только из-за значительного числа их функций, но еще и потому, что в различных отраслях знания способы реализации моделей весьма своеобразны. Причем, каждая новая отрасль науки, начинающая использовать метод моделирования, не только по-своему строит модели, но дает и свое толкование термина "модель". Это приводит к тому, что хотя в каждой конкретной науке понятие "модель" выражает нечто весьма определенное, в целом это понятие оказывается крайне расплывчатым.

К настоящему времени проделана значительная работа по сбору и анализу тех многочисленных определений понятия "модель", которые имеются в конкретных науках. Число таких определений весьма значительно¹ и, несмотря на это, продолжает быстро расти. В этих условиях выработка единого определения модели превращается в довольно сложную проблему. Отражением трудностей, встречающихся на пути выработки единого определения модели, служит возникшее мнение о том, что такое определение принципиально невозможно. Но так как необходимость в едином определении существует (прежде всего для гносеологического анализа метода моделирования) то попытки выработать такое определение продолжают. Интересной в этом отношении является уже упоминавшаяся работа А.И. Умова(6). Выработка единого определения модели должна идти, по его мнению, путем унификации понятий модели. Согласно его точке зрения, это понятие может быть унифицировано тремя методами: методом отбрасывания, методом обобщения, комбинированным методом.

Проблема унификации понятия модели представляется весьма важной для выработки единого определения сопряженного с ним понятия моделирования. Получить правильную дефиницию можно лишь в том случае, когда ясно осознаются основания и принципы ее построения. В моделировании это особенно важно, т.к. число существующих определений как модели, так и моделирования столь значительно, что их анализ не только затруднен, но и фактически невозможен в работе, не посвященной этому специально. Более того, такой анализ представляется малоэффективным, ибо принципы, по которым построены существующие определения, весьма разнообразны. Поэтому представляется плодотворным анализ именно обобщенного определения модели. Целью такого анализа должно явиться выявление совокупности таких принципов, которые позволили бы выработать обобщенное определение моделирования, характеризующее его как метод научного исследования.

¹ Советский исследователь А.И. Умов насчитывает 37 случаев употребления термина "модель" (6, 22-25). В англо-американской литературе число употреблений этого термина равно 30 (7, 28-292).

В многочисленных работах, посвященных методу моделирования большая группа авторов указывает на необходимость выявления того специфического, что отличает модель от таких форм отражения действительности как теория, гипотеза, формализм. Действительно, в определенном отношении содержания этих понятий не тождественны содержанию понятия "модель" и потому для выявления собственного содержания этого понятия совершенно необходимо выявление того, что характерно именно для него. Теория, гипотеза, формализм отличны друг от друга тем, что являются различными формами фиксации знания, полученного в процессе отражения действительности. Характерной чертой всякой модели является ее способность заменять объект в процессе его исследования с целью получения нового знания о данном объекте. Но и теория, и гипотеза, и формализм могут заменять отражаемые ими фрагменты действительности с целью ее более глубокого познания. Следовательно, в этом отношении разграничение данных понятий будет неправомерным.

Экспликация понятий является необходимой процедурой при формально-логическом анализе. Не средством выработки единого содержательного определения такого гносеологического понятия как модель, она может стать лишь в случае четкого определения оснований, по которому осуществляется разграничение данного понятия от других, употребляемых в том же самом смысле. И лишь определив такое основание можно исключить из класса моделей те многочисленные предметные значения термина "модель", в которых он фактически употребляется, но которые не соответствуют данному основанию. Попытки же выработать единое определение модели путем отбрасывания некоторых предметных значений термина "модель" лишь на том основании, что данные значения фиксируются объемом других терминов, неправомерны. Диалектика мышления такова, что не только разные вещи, обладающие некоторым общим признаком, могут обозначаться одним и тем же термином, но и одна и та же вещь может иметь много названий, каждое из которых своим смысловым значением характеризует данную вещь со своей стороны, отражает свой, строго определенную группу свойств.

Теория, гипотеза, формализм - различные формы фиксации наших знаний о действительности, и потому употребление соответствующих этим понятиям терминов вполне обоснованно, ибо каждый из этих терминов обозначает то специфичное, что фиксируется данными понятиями как формами отражения действительности. Теория, гипотеза, формализм в данном отношении отличны не только друг от друга, но и от модели как формы отражения действительности. И в этом отношении разграничение этих понятий является вполне обоснованным. Но моделирование есть не форма фиксации знания, а метод его получения. И если исходить из этого, то в качестве основы применен термина "модель" необходимо рассматривать функционирование предметного значения данного термина в процессе познания.

Проведение принципа функционирования как основы употребления термина "модель" невозможно в форме и с к л ю ч е - н и . . . тех предметных значений данного термина, для обозначения которых уже имеются свои термины. Поэтому выработка обобщенного определения модели должна осуществляться не путем сужения значений данного термина, а некоторым другим путем.

Этот другой, в определенной степени противоположный рассмотренному, метод унификации термина "модель" предполагает выявление и анализ всех случаев употребления данного термина в специальной и философской литературе. При этом в обобщающий список употреблений термина "модель" попадут также его значения как описание, схема, теория, абстракция, формализм и другие. Такой список может явиться весьма наглядной иллюстрацией многозначности термина "модель". Но цель метода обобщения не в иллюстрировании многозначности этого термина, а в сведении этого многообразия значений к единству. Такое единство достигается путем образования общих понятий на основе совокупности конкретных представлений.

В результате обобщения можно получить такое итоговое понятие, которое охватывает все случаи употребления термина "модель". Но полученное таким образом обобщенное понятие будет

слишком неопределенным. Оно будет иметь весьма широкий объем, а это означает, что содержание понятия будет включать лишь некоторые модельные признаки, которых в дальнейшем может оказаться недостаточно для выявления гносеологической специфики моделирования.

В общем случае, в процессе такого обобщения возможны два рода ошибок - слишком узкое и неоправданно широкое обобщения. Ошибки первого рода возникают в том случае, когда в содержание итогового понятия включены не все предметные значения исходных понятий. Применительно к моделированию это имеет место тогда, когда при выработке обобщенного определения модели не был учтен какой-то важный с гносеологической точки зрения ее вид.

Ошибки неправомерно широкого обобщения /итоговое понятие включает объекты, которые не отражены в исходных обобщенных понятиях/ приводят к тому, что полученное определение не будет специфичным для характеризуемого класса объектов.

Несмотря на возможные ошибки, представляется, что выработка эффективного в гносеологическом плане определения модели возможна именно путем обобщения. Следует отметить, что метод обобщения вовсе не отрицает актов исключения, которые всегда имеют место при обобщениях. Так как всякое обобщение производится по какому-то смысловому основанию, то несоответствующее этому основанию исключается. Таким образом, реальный процесс выработки единого определения модели представляет собой процесс обобщения с элементами исключения. Это означает, что в процессе выработки единого определения модели возможны как ошибки неправильных обобщений, так и ошибки неправомерных исключений.

Предполагается, что для устранения возможности возникновения такого рода ошибок в процессе выработки единого определения модели следует исходить из двух соображений: 1/ необходимо выработать такой принцип для анализа и обобщения случаев употребления термина "модель", который позволит представить класс моделей достаточно полно; 2/ при установлении содержания понятия "модель" необходимо исходить из того поло-

жения в познании, которое моделирование занимает как один из методов научного исследования.

В первую очередь остановимся на рассмотрении того, что может явиться основой для анализа и обобщения случаев употребления термина "модель". Представляется очевидным, что за такую основу не может быть принято ни одно из структурных или субстратных свойств. Основой анализа должен явиться **функциональный подход**. "Быть моделью" - это функциональное, а не структурное или субстратное свойство. Строго говоря, модель вообще имеет некоторые субстратные или структурные свойства лишь постольку, поскольку их имеет некоторая система, выступающая в роли модели. Даже системы, специально созданные для моделирования, являются моделями лишь в процессе модельного исследования, а за его пределами это просто объекты.

Хотя данное положение является достаточно очевидным, тем не менее, некоторые авторы при определении модели его совершенно не учитывают. Так например, определение Н.М. Амосова: "модель - это структура, в которой отражено изменение физического воздействия во времени или пространстве" (I, 27) прямо постулирует онтологический характер модели, и не отражает ее гносеологической специфики. Конечно, модель имеет определенную структуру, но лишь постольку, поскольку ее имеет объект, теория, формализм или нечто другое, выполняющее роль модели. Но специфика модели не в том, что она является некоторым структурно оформленным субстратом, а в ее **функциональной природе**, в ее способности замечать объект исследования, давая новое знание о нем.

Конечно, функциональное свойство "быть моделью" может быть определенным образом закреплено за объектом и найти свое "субстанциональное" воплощение. Но это означает ни недостаточность функционального подхода, как полагает М.А. Розов (5, 57- 67), а наоборот, подчеркивает его значение, определенным образом субстанционализируя **"устойчивое функционирование"**. Это подтверждает и слова **самого М.А. Розова, который утверждает**.

это "восприятие конкретного предмета как прибора, модели или знака - это восприятие его с точки зрения всей совокупности предшествующих актов использования объектов такого рода, восприятие их через призму предшествующей системы деятельности. Именно эта включенность в систему нормируемых отношений обуславливает "субстанциональность" этих объектов, делая их независимыми по отношению к отдельным конкретным актам функционирования" (5, 66).

Постулирование функционального принципа обобщения позволяет представить класс моделей достаточно полно. В этом случае совершенно закономерным и необходимым будет включение в класс моделей и теорий, и гипотез, и любых других систем или объектов, которые выполняют или могут выполнять роль моделей в процессе познания. При этом не имеет места подмена одних понятий другими, т.е. принципы их классификации совершенно разные. Выполняя роль модели в процессе познания, познавательный образ или теория по-прежнему сохраняют свой статус, т.е. также являются познавательным образом или теорией. Поэтому, при таком понимании процесса унификации необходимость в исключении каких-либо значений термина "модель" полностью отсутствует. Множество моделей представляет открытый класс, объем понятия "модель" становится достаточно широким. Но это не означает, что понятие модели становится неопределенным. Понимание модели как любой материальной или воображаемой системы, заменяющей объект в процессе его исследования и способной давать новое знание о данном объекте, является достаточно определенным.

Обычно, давая определение модели, указывают на ее наиболее характерные свойства. Чаще всего к таким свойствам относят **наглядность и простоту** модели по отношению к моделируемому объекту. Например, Г.Клаус пишет: "Под моделью следует понимать отображение фактов, вещей и отношений определенной области знаний в виде более простой, более наглядной структуры" (3, 216). В данном определении как простота, так и наглядность трактуются как неотъемлемые свой-

ства всякой модели. Такой взгляд является традиционным и широко распространенным. Кроме Г.Клауса неотъемлемым свойством модели считают наглядность и такие авторы как В.П.Бранский, Л.О.Вальт, Т.Гебер и другие. Существуют и другие точки зрения, согласно которым модели могут быть и ненаглядными, что, впрочем, не делает их менее эффективными в познавательном отношении. Вопрос о наглядности является весьма сложным и требует специального рассмотрения, без которого разработка единого определения моделирования может оказаться затруднительной.

Факт появления в арсенале науки таких моделей, которые не являются наглядными в традиционном смысле /обшедоступность, простота, соответствие "здравому смыслу" /привел в трактовке наглядности к появлению двух тенденций. Выражением первой явилось мнение о том, что наглядность не является обязательным свойством моделей. Вторая тенденция напротив стала выражением стремления сохранить наглядность в качестве атрибутивного свойства моделей. Последнее оказалось возможным лишь путем пересмотра самого понятия наглядности. В результате такого пересмотра появилась расширяемая трактовка наглядности. Согласно данной трактовке, наглядность модели выражается в том, что "заключенная в ней система связей или структура воплощаются в форме чувственных или доступных чувственности элементов".(8,17). Естественно, что при таком понимании наглядности, все модели, в том числе и знаковые, которые также являются чувственно воспринимаемыми, оказываются наглядными.

Интересно отметить, что часть авторов, считающих наглядность обязательным свойством моделей, допускают существование ненаглядных теорий, полагая, что именно в этом важнейшая отличительная черта теории от модели. Это мнение представляется неверным. Во-первых, оно противоречит положению о наглядности знаковых моделей, ибо если всякая знаковая модель наглядна в силу наглядности знака, как чувственно воспринимаемого элемента, то и теория, выраженная в знаках какого-либо языка должна быть наглядной. Во-вторых, при таком понимании на-

наглядность представляется чем-то весьма условным, т.к. согласно вышесказанному, теория может выступать в качестве модели, а так как в отличие от моделей не все теории наглядны, может получиться, что ненаглядная теория окажется наглядной моделью. Существенным недостатком данного подхода является и то, что его сторонники связывают наглядность с чувственным отражением, а ненаглядность соответственно с теоретическим или рациональным. Не вдаваясь в детали данного вопроса, отметим лишь, что наглядность не следует отождествлять лишь с чувственным отражением, — наглядность есть характеристика познания в целом.

Иногда наглядность понимается как сводимость новых представлений к старым. Например: сводимость, логическое соответствие современных физических теорий классическим. Это подход является отличным от традиционного понимания наглядности как доступности чувственному восприятию. Здесь значение понятия "наглядность" лежит в сфере мышления, является особенностью познавательного процесса. Наглядным, согласно данной концепции, считается не привычное, не чувственно воспринимаемое, но логически выводимое из уже познанного. Положительным моментом данного подхода является отказ от чувственной воспринимаемости как критерия наглядности. Но логическая видимость тоже не может быть приемлемым критерием для этого. Дело в том, что наглядность может основываться не только на логическом выведении связей и отношений, но и на их интуитивном схватывании.

При решении вопроса о наглядности необходимо исходить из того, что данное понятие не является характеристикой мира вещей. Объекты, как макроскопические, так и микроскопические сами по себе не являются ни наглядными, ни ненаглядными. Наглядными могут быть не объекты, а лишь наши знания о них. Это означает, что проблема наглядности лежит не в онтологическом, а в гносеологическом плане и должна решаться путем анализа специфики не мира вещей, а человеческого познания.

При рассмотрении вопроса о наглядности модели, модель

должна пониматься не как квазиобъект, а как гносеологический образ. В противном случае, речь будет идти о наглядности объекта, хотя и выступающего в качестве модели, но, тем не менее существующего совершенно самостоятельно.

Понятие наглядности имеет смысл лишь в отношении. В общем случае, таким отношением является отношение между сознанием и структурой или функцией познаваемого фрагмента действительности. Один и тот же объект у разных познающих субъектов может экспонироваться с помощью различных гносеологических образов, как наглядных, так и ненаглядных. Отношение между гносеологическим образом и соответствующим ему фрагментом действительности становится еще более сложным в вопросе о наглядности модели. Любая модель, независимо от того материальна она или идеальна, опирается на некоторый гносеологический образ моделируемого объекта, который является результатом познания данного объекта. Но при построении модели используется не все наличное знание о моделируемом объекте, а лишь его часть. Это приводит к тому, что гносеологический образ модели становится отличным от гносеологического образа моделируемого объекта. Представляется, что решение вопроса о наглядности модели и должно идти через сопоставление этих двух познавательных образов. И наглядной, в этом случае, будет такая модель, познавательный образ которой сопоставим с познавательным образом моделируемого данной моделью объекта. А это, по-видимому, оказывается возможным далеко не всегда, и значит далеко не все модели являются наглядными. Например, образ цифровой моделирующей установки /ЭЦМ/ не имеет ничего общего с образом такого моделируемого ею объекта как доменная печь и потому такая модель не является наглядной. Но для этого же объекта /доменной печи/ можно построить и наглядную модель: уменьшенная копия объекта будет наглядно представлять его форму и структуру. С другой стороны, одна и та же модель может быть и наглядной, и ненаглядной. Уменьшенная копия доменной печи будет наглядной моделью формы и структуры настоящей домы, но не будет наглядной с точки зрения ее функ-

ционирования, т.к. не будет давать представления о тех процессах, которые протекают при выплавке чугуна.

Таким образом, вопрос о наглядности всякой модели должен решаться через сопоставление гносеологических образов модели и моделируемого ею объекта. Причем, всякий, даже наиболее простой объект, выступая в роли модели некоторого другого объекта или явления, может оказываться как наглядной, так и ненаглядной моделью. Последнее, как было показано, зависит от того, в отношении какого объекта данный объект выступает в роли модели. Как правило, наглядными моделями являются более простые и хорошо изученные объекты.

Важно отметить и другой, субъективный момент наглядности. Так как вопрос о наглядности решается через сопоставление гносеологических образов модели и объекта и так как такое сопоставление производится субъектом, то модель, наглядная с точки зрения одного субъекта, может вовсе не оказаться таковой с точки зрения другого. Например, система дифференциальных уравнений, описывающих совокупность каких-то процессов для математика может представляться весьма наглядной моделью, в то время как для не владеющего математическим аппаратом это модель будет далеко не наглядной.

Таким образом, суть изложенного подхода к проблеме наглядности моделей заключается в том, что при решении данного вопроса модель должна рассматриваться как гносеологический объект, т.е. сопоставляться должны не объекты /модель и оригинал/, а их гносеологические образы. В силу того, что такое сопоставление осуществляется познающим субъектом, проблема наглядности имеет не только объективный, но и субъективный аспект. Показано, что гносеологический образ далеко не каждой модели сопоставим с гносеологическим образом моделируемого данной моделью объекта. Это означает, что далеко не все модели наглядны и, следовательно наглядность не является универсальным свойством моделей, а значит и не должна включаться в обобщенное определение модели.

Другим наиболее характерным свойством моделей обычно считают их относительную простоту по сравнению с моде-

лируемым объектом. На эту особенность моделей указывает целый ряд авторов. В философской литературе данное положение не вызывает каких-либо сомнений, хотя различное понимание того, что есть простота, и порождает некоторую неоднозначность в трактовке этого понятия. В специальной же литературе положение о том, что модель всегда проще моделируемого объекта иногда вызывает возражения. Это объясняется тем, что весьма часто, практически используемая модель конструктивно сложнее моделируемого ею объекта. Например, при исследованиях элементарного бруса часто используются весьма сложные тензометрические модели. Это и порождает иллюзию того, что модель не обязательно должна быть проще моделируемого ею объекта. Но это не совсем так.

Всякая модель основана на аналогии. Сущностью аналогии является неполнота сходства. Если модель становится полностью сходной с объектом, то она теряет свое основание — аналогию, т.к. в этом случае имеет место уже не аналогия, а тождество. Модель, тождественная объекту, лишена смысла, ибо не имеет никаких преимуществ перед объектом. Бессмысленно для познания объекта строить другой, точно такой же объект, т.е. он не дает никаких преимуществ с точки зрения доступности для исследования. Модель же строится именно для того, чтобы, заменив объект, облегчить его исследование. Это и достигается тем, что в качестве модели выбирается или строится объект более простой, чем исследуемый.

Но понятие простоты не является однозначным. Можно привести, по крайней мере, три аспекта в ее толковании. Чаще всего под простотой понимают структурную простоту. При этом деление объектов на относительно сложные и простые производится по числу входящих в них элементов. Иногда, говоря о простоте имеют в виду субстратную простоту: клетка структурно проще кристалла, но она элемент живого — более сложного субстрата. Можно говорить и о функциональной простоте, сравнивая объекты по совокупностям выполняемых или функций.

Неоднозначность в понимании простоты и приводит к тому, что требование простоты модели по отношению к моделируемому объекту не признается универсальным всеми исследователями. Действительно, в субстратном, структурном или функциональном аспекте моделирующая система может быть не проще моделируемой, что часто и имеет место в конкретных модельных исследованиях. И при такой трактовке понятия простоты, простота не является универсальным свойством моделей. Но, являясь средством исследования, модель должна облегчать процесс познания, должна быть более доступной познанию, т.е. быть более простой с точки зрения познаваемости. Именно в таком смысле модель всегда проще моделируемого объекта и лишь такая простота является неотъемлемым свойством всякой модели.

Простота как большая доступность модели исследованию, определенным образом связана с ее конструктивной простотой, которая подразделяется нами на указанные выше виды. Эта связь не является простой, линейной, но, несомненно, это прямая связь. Очевидно, что если модель имеет большое число элементов и связей, то и познавать ее, как правило, труднее. Поэтому с точки зрения простоты познания модель должна иметь минимальное количество элементов и связей. Но с точки зрения адекватности модели исследуемому объекту требуется прямо противоположное — стремление к увеличению числа элементов и связей модели до той величины, которую они имеют в объекте. Таким образом, делая модель более доступной для исследования, мы делаем ее менее адекватной объекту исследования и наоборот. Обе крайности являются недопустимыми, т.к. в этом случае, мы или получаем данные, которые характеризуют только модель, или получение нового знания становится практически невозможным.

Сказанное не означает, что модель не только в плане познаваемости, но и конструктивно не может быть сложнее моделируемого объекта. В практике моделирования успешно используются модели, являющиеся в конструктивном отношении более сложными, чем моделируемые ими объекты. Это объясняется тем, что

часть элементов и отношений модели являются хорошо изученными и потому, будучи конструктивно сложнее объекта, модель сказывается все же познавательной доступнее. Таким образом, не конструктивна простота, а большая познавательная доступность, простота познания является универсальным свойством всех моделей. Но являясь универсальным, данное свойство не является специфичным для моделей. Гипотеза, теория, формализм тоже проще, чем отражаемые ими фрагменты действительности. Поэтому при определении модели нет необходимости специально отмечать ее большую простоту по отношению к моделируемому объекту, ибо не только модель, но и любая форма научного познания проще отражаемого явления.

Виде и в данном определении модели отмечалось, что использование данного понятия применимо лишь в рамках процесса моделирования. Лишь участвуя в модельном исследовании, тот или иной объект может выполнять роль модели. Вне модельного исследования моделируемые системы являются материальными объектами, идеальными образцами, теориями, гипотезами, но не моделями. Именно поэтому, выработать эффективное обобщенное определение модели невозможно, не определив того, что есть моделирование. Это является тем более необходимым в данном случае, когда модель трактуется функционально, как нечто функционирующее в процессе моделирования и ограниченное его рамками. Как уже отмечалось при анализе любого понятия существует две угрозы: чрезмерно узкое и неоправданно широкое его толкование. В приложении к моделированию первое означает сведение этого чрезвычайно многогранного метода к одному из его видов - к физическому моделированию. При данном виде моделирования у исследуемого объекта и модели подобными являются физические характеристики. Физическое моделирование явилось исторически первой формой использования моделирования как метода научного исследования. Именно поэтому моделирование долгое время понималось как физическое моделирование, т.е. узко. Возникновение и развитие кибернетики, для которой метод моделирования является основным методом исследования, положило конец такому пониманию. Но, как часто бы-

вают, одна крайность сменилась другой. Преодолев чрезмерно узкое понимание моделирования, перешли к неоправданно широкому, при котором моделирование начали отождествлять с познанием вообще. Некоторые авторы стали прямо указывать на то, что "всякое познание - это моделирование информации о другой системе через программы моделирующей установки, познающей систему" (2, 46). При таком подходе познание понимается как моделирование внешнего мира в мозгу человека.

Для правильного решения вопроса о месте моделирования в структуре человеческого познания представляется необходимым соотнесение данного понятия не только с понятием "познание", но и с понятием "отражение". Последнее является с точки зрения материалистической гносеологии наиболее общим понятием и для построения правильной иерархии рассматриваемых понятий начинать следует с него. При сопоставлении понятий "отражение" и "моделирование" становится очевидным, что моделирование является специальным методом отражения материального мира. Отражение же, согласно ленинскому определению, является свойством всей материи. Являясь всеобщим свойством материи, отражение является ее атрибутивным свойством. Моделирование таковым не является. Правда, геометрическое, физическое или любое другое подобие является частным случаем отражения, но подобие еще не есть моделирование - оно может существовать и вне познания, тогда как моделирование вне познания невозможно.

Познание также является одной из форм отражения. Поэтому, представив моделирование как специфический метод отражения, мы еще не соотнесли его с познанием. В первом приближении, вопрос о соотношении понятий "познание" и "моделирование" весьма прост: моделирование есть один из видов научного познания. Но моделирование это познание на моделях. А в роли моделей, как было показано выше, могут выступать и познавательные образы. Это сближает моделирование с познанием, но не приводит к их отождествлению. Тот факт, что и теория, и гипотеза, и познавательный образ на некоторых этапах процесса познания могут выступать в роли моделей означает не то, что

познание есть моделирование, а то, что моделирование есть один из частных приемов или методов познания.

Трактовка моделирования как одного из методов научного исследования позволяет правильно очертить не только объем понятия "моделирование", но и понятие "модель". Такое понимание места моделирования в познании делает обоснованной выработку единого определения модели путем обобщения случаев употребления данного термина с последующим исключением некоторых его значений.

Понимая моделирование как метод научного исследования, выявим и рассмотрим те специфические черты, которые отличают данный метод от других и которые необходимо зафиксировать при формулировании обобщенного определения данного метода.

Коренным отличием моделирования от любого другого метода научного исследования является то, что при модельном исследовании объект изучается не непосредственно, а с помощью особого промежуточного звена — модели. При этом отношение субъект — объект заменяется более сложным: субъект — модель — объект. Познание вообще и моделирование в частности есть активная человеческая деятельность. При моделировании центральным моментом этой деятельности является выдвижение некоторого реально существующего или мысленно конструируемого объекта в качестве опосредующего звена. Такое выдвижение не есть чисто волевой, субъективный акт. Материалистический подход к моделированию заключается в том, что субъективная деятельность при моделировании имеет своим основанием объективное соответствие между моделью и моделируемым объектом.

В общем случае, соответствие между моделируемым и моделирующими объектами выражается в их субстратном, структурном или функциональном сходстве. При субстратном сходстве модели и моделируемого объекта их взаимосвязь может быть выражена с помощью формул теории подобия, структурное сходство фиксируется с помощью понятия изоморфизма и функциональное с помощью аналогичного понятия изофункционализма,¹ т.е. изоморфизма

¹ Данный термин введен И.Б. Новиком (4,100).

функций. Под изоморфизмом понимается взаимно-однозначное соответствие, при котором некоторые свойства /элементы, отношения/ одной системы соответствуют свойствам /элементам, отношениям/ другой системы. Наличие изоморфизма между свойствами одной системы /объекта/ и свойствами другой системы /модели/ является основанием для замещения в процессе исследования одной системы другой. То есть, на основании того, что объект обладает свойствами $a_1, a_2, a_3, \dots, a_n$, и что модель обладает некоторой частью этих свойств a_1, a_2, a_3 делается вывод о том, что и остальные свойства модели сходны с соответствующими свойствами объекта.

Наличие некоторой объективной общности между объектом и моделью является необходимым условием любого процесса моделирования. Но данная общность может быть разной. Степень и форма этой общности диктуется той практической потребностью, для удовлетворения которой и осуществляется данное модельное исследование. Устанавливается необходимая степень и форма данной общности познающим субъектом, что и позволяет трактовать этот момент как с у б ъ е к т и в н у ю сторону процесса моделирования.

Таким образом, соответствие между моделируемым и моделирующим объектами в процессе модельного исследования представляется как единство объективного и субъективного. Объективным является содержание соответствия, которое выражается в некоторой общности объекта и модели. Субъективным моментом является определенный произвол познающего субъекта в выделении того аспекта и степени общности модели и оригинала, которые представляются наиболее плодотворными с точки зрения поставленной цели.

Целью любого, а значит и модельного исследования, является получение нового знания об изучаемом объекте. Способность давать новое знание об объекте обычно подчеркивается в качестве специфичной черты модели. Предполагаем, что данная черта должна быть включена в определение, но не модели / как это делает В.А. Штофф / (9, 19), а моделирования. Действительно, знания полученные на модели непосредственным образом относятся

лишь к ней. Отнесение полученной информации к моделируемому объекту производится с помощью специальной процедуры экстраполяции информации, которая является этапом процедуры моделирования. Поэтому, способность давать новое знание о моделируемом объекте, строго говоря, есть свойство не модели, а моделирования.

Функционально трактуя модель и понимая моделирование как процесс построения и изучения модели с целью получения нового знания с моделируемом объекте, определяем моделирование как метод научного исследования. Но такое определение не означает противопоставления метода и теории. Теория и метод едины. Однако, это единство не только допускает, но и предполагает различие. В данном случае, этим различием является предписательность метода в отличие от описательности теории. Именно на предписательности модельного исследования акцентирует внимание определение моделирования как метода научного исследования.

Большинство определений моделирования не раскрывают содержания понятия "модель", хотя оно и является центральным в этих определениях. Понятно, что раскрытие содержания понятия "модель" не может осуществляться путем обращения к понятию "моделирование", ибо в этом случае определения будут страдать тавтологичностью. Поэтому, представляется необходимым введение определения модели в дефиницию моделирования. При этом, в определение необходимо включать лишь те признаки, которые характеризуют ее как квазиобъект, но не указывают на функции, выполняемые ею в процессе модельного исследования. Осуществление синтеза понятий моделирования и модели, с учетом изложенных соображений, приводит к следующему обобщенному определению моделирования.

М о д е л и р о в а н и е — есть метод практического или мысленного оперирования с любой материальной или воображаемой системой, называемой моделью, находящейся в определенном

объективном соответствии с исследуемым объектом, заменяющей его на определенном этапе познания и дающей в процессе ее исследования новую информацию о нем.

Л и т е р а т у р а

1. Амосов Н.М. Моделирование информации и программы в сложных системах. - "Вопросы философии", 1963, № 12, с. 26-31.
2. Амосов Н.М. Моделирование мышления и психики. Киев, 1965, 304. с.
3. Клаус Г. Кибернетика и философия. М., 1963, 531. с.
4. Новик И.Б. Гносеологическая характеристика кибернетических моделей. "Вопросы философии", 1963, № 8, с. 98-103.
5. Розов М.А. О принципах описания гносеологических объектов. В кн.: Методологические проблемы науки. Вып. I, Новосибирск, 1973, с. 57-67.
6. Уемов А.И. Логические основы метода моделирования. М., 1971, 311. с.
7. Чжао-Кань-жень. Модели в лингвистике и модели вообще. - В кн.: Математическая логика и ее применения. М., 1965, с. 281-292.
8. Штофф В.А. Роль моделей в познании. ЛГУ, 1963, 128. с.
9. Штофф В.А. Моделирование и философия. М.Л., 1966, 301 с.

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИММАНУИЛА КАНТА

ВЕДИН Ю. П.

УЧЕНИЕ КАНТА О ЧУВСТВЕННОМ ОПЫТЕ

Теоретическая философия И. Канта есть учение о познании. Теория познания Канта, как и вся его философская система, глубоко противоречива и оказала двойственное влияние на последующее развитие философии. Истоки двойственности теории познания Канта лежат в дисгармонии, образуемой противоположными ответами Канта на внешние и внутренние вопросы теории познания. Внешние вопросы — это вопросы об объективной основе, движущей силе и социальной функции познания, о его предмете и познаваемости реальности вне ума субъекта, о возможности для нее стать предметом познания. Основным здесь является вопрос об отношении содержания наших взглядов, представлений, теорий к объективной реальности. Поскольку внешние вопросы представляют собой различные аспекты этого вопроса, называемого В. Л. Лениным основным гносеологическим вопросом (2, 151), то внешние вопросы и их решения можно условно отнести к гносеологическим. В гносеологии Кант предпринимает уникальную попытку теоретического обоснования агностицизма, предлагаемого им в ясной форме откровенного отрицания познаваемости реальности вне нашего ума. Эта попытка систематического обоснования принципиальной непознаваемости вещей вне нашего ума (сознания) питала реакционные устремления последующей буржуазной философии и питает их ныне вплоть до наших дней.

Внутренние вопросы теории познания — это вопросы о "механизме" познания, структуре познавательных феноменов, о путях и средствах формирования и развития знания. Эти вопросы можно (также условно) назвать эпистемологическими, относящимися к описанию самого познавательного процесса, — но не во всем его психическом богатстве, включающем эмоциональные, волевые и

т.п. феномены, а только в аспекте формирования и развития познавательных образов. В эпистемологическом аспекте теории познания Кант раскрыл не только чрезвычайную сложность познания, но и активность субъекта в его осуществлении. В эпистемологическом описании познания как активного, творческого применения познавательных способностей субъекта Кант нередко обнаруживает гениальную проицательность и диалектическое чутье. Конечно, подчинение ответов на внутренние вопросы теории познания ответам на внешние вопросы накладывает отпечаток на теоретическое изображение Кантом "механизма" познания. Но именно постановка и решение внутренних вопросов теории познания, тончайший эпистемологический анализ познавательного процесса, — его структуры, чувственных и рациональных компонентов, их взаимосвязь и опосредствованности спонтанной деятельностью рассудка, — оказали плодотворное влияние на последующие прогрессивное развитие философии Гегелем и марксизмом.

Эпистемологическое описание Кантом познания не утратило своего значения и в настоящее время. В этом отношении несомненный интерес представляет учение Канта о чувственном опыте как источнике познания. Последнее ограничение связано с тем, что термин "чувственный опыт" Кант употребляет как в значении источника познания, так и самого познания; в известном смысле можно утверждать, что теория познания Канта как в гносеологическом, так и эпистемологическом аспекте есть учение о чувственном опыте, об слитном значении знания как эмпирического, так и априорного происхождения. Поэтому учение о чувственном опыте как источнике познания, — о структуре опыта, его месте и функции в познании, — есть лишь часть эпистемологии Канта. Эта часть и составляет непосредственный предмет последующего обсуждения.

Предпосылкой анализа структуры опыта служит признание Кантом единства чувственного и рационального в познании: "Без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один нельзя было бы мыслить. Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы ... Рассудок ничего не может

созерцать, а чувства ничего не могут мыслить. Только из соединения их может возникнуть знание" (5,155). Так как данный в созерцании предмет есть, согласно терминологии Канта, не вещь в себе, а явление (поскольку оно подведено под категорию рассудка), то приведенные положения охраняют агностическое гносеологическое значение. Но в эпистемологическом отношении его содержание бесспорно: познание не может быть ни одним, лишь чувственным восприятием или воображением, ни одним лишь мышлением, а только единством чувственных и рациональных компонентов. Кант употребляет термин "чувственное познание" только в значении эмпирического, апостериорного познания (в отличие от априорного, как аналитического, так и синтетического). Еще в "докритический период" Кант усматривал превосходство людей над животными в способности суждения. Суждением Кант считал не мысль, в которой нечто ясно осознается как признак некоторой вещи, а само действие, посредством которого это осознание осуществляется: "... одно дело различать вещи и совсем другое - познавать различие между вещами. Последнее возможно только посредством суждения и недоступно никакому неразумному животному" (4,76). Способность, делающая возможным суждение, есть "... не что иное, как способность внутреннего чувства, т.е. способность делать свои собственные представления предметом своих мыслей" (4,77). Здесь намечается развитая в "Критике чистого разума" идея Канта о том, что познавательная функция рассудка состоит в суждении как акте подведения наглядных представлений под чистые понятия и категории рассудка.

Кант был согласен с Кюмом в том, что из восприятий нельзя средствами их обобщения или абстрагирования получить достоверного синтетического знания необходимых связей явлений. Но, в противоположность Кюму, он не сомневался в существовании достоверного синтетического знания, которое было бы общезначимым и необходимым, и в этом смысле объективным; не будучи апостериорным, такое знание могло бы иметь только априорное происхождение. К априорному знанию он относит геометрию (ныне называемую евклидовой) и арифметику, а также основоположения

чистого естествознания (например, положения о том, что в природе все явления имеют причину, что количество субстанции в мире остается неизменным и т.п.), на которых основываются и все эмпирически найденные законы природы. Такое знание не только не может быть извлечено из чувственных образов, но и получено дискурсивно, т.е. средствами логического вывода, поскольку рассудок в своем логическом применении относится исключительно к уже имеющемуся знанию, и не может в этом логическом применении осуществить первичное порождение знания. Последнее реализуется рассудком в иной функции - путем упомянутого подведения явлений под категории в акте суждения.

Опыт представлялся Канту как необходимая связь чувственных созерцаний и деятельности рассудка. В учении Канта об опыте явственно проступает представление о его трех составных компонентах - чувственно-наглядном содержании опыта, отнесенности этого содержания к одному сознанию ("я") и сознании предметности явлений.

Чувственный компонент опыта образуют явления. Явления своим содержанием ("материей чувств", "материей явлений", - (5, 128, 294) имеют ощущения, а своей формой - определенную пространственную и временную структуру, упорядоченность составляющих их ощущений. Ощущения апостериори, т.е. не составляют каких бы то ни было предварительных условий опыта, и не могут быть "антиципированы", предварены действительному опыту одной способностью наглядного воображения, тем более деятельностью рассудка, а возникают и существуют исключительно в результате аффектации нашей чувственности вещами вне нашего ума (5, 127-128, 241-242).

Явление, рассматриваемое само по себе, вне познания, вне связи с другими компонентами опыта (вне отношения к последним), есть чувственный феномен, чувственная "картина" в виде упорядоченной совокупности ощущений, их пространственно-временной корреляции. Последняя предполагает наличие способности пространственного видения и чувствования временной длительности. Без этой способности ощущения не могли бы группироваться про-

отстраненно и сменяться во временной последовательности. С другой стороны, пространственные образы и временные отношения мы можем наглядно представлять и при отсутствии ощущений, одной силой воображения. Поэтому пространственная и временная формы наглядного созерцания являются, в отличие от ощущений, априорными условиями явлений. Кант специально отмечает, что пространство и время не являются ни вместительницами вещей и событий вне нашего ума, ни формами их связи; они — исключительно способы нашего чувствования, присущие нам формы наглядного созерцания, — их можно было бы назвать перцептуальным пространством и перцептуальным временем.

Как результат аффектации нашей чувственности вещами, существующими вне нашей чувственности и нашего "я" (т.е. вне сознания), возникшие чувственные картины или образы (перцепции, восприятия) в аспекте своей инвариантности и по отношению к самим внешним вещам выступают как явления. Явление — это своеобразная "одежда" вещи самой по себе, в которой последняя предстает в нашей чувственности, и которая полностью скрывает природу и свойства вещи в себе, так как явление, по учению Канта, и в отношении перцептуального содержания (ощущений), и в отношении формы (пространственной и временной формы упорядоченности ощущений), т.е. всецело, определяется априорными и априорными аспектами нашей чувственности. Иными словами, явление, как некоторая чувственная картина, не изображает вещи такими, каковы они сами по себе, а информирует нас исключительно относительно свойств нашей способности чувственной восприимчивости. Явления, правда, указуют (в качестве всего лишь явлений) на вещи вне нашего ума (и вне нашей чувственности), но сами по себе они — лишь эффекты действия этих вещей на нашу чувственность подобно ее природе и возможностям. И по своему содержанию, образуемому ощущениями, и по своей пространственно-временной форме явления субъективны, — в том смысле, что они ощущения с их модальностью и степенью выраженности, ни пространственно-временная структура восприятий не относима к вещам в себе как их сходные

отображения (изображения). Но в составе (или контексте) чувственного опыта явления предстают уже как предметы познания. Так как вещи, каковы они сами по себе, не могут быть даны познанию, минуя нашу чувственность (никакое иное, например, непосредственное "интеллектуальное созерцание" вещей вне нашего ума нам не присуще), а чувственность в своих картинах не изображает вещи, каковы они сами по себе, вне их чувственного восприятия, а представляет (ставит перед нами) только такими, какими может их представлять, т.е. каковы они в нашей чувственности, то и предметами нашего познания могут быть не вещи сами по себе, а только явления. Мы можем познавать и действительно познаем, согласно Канту, не вещи в себе, а только их действия на нашу чувственность.

Вообразим, что одни люди рождаются с синими рогами глазами, другие - с красными, третьи - с прозрачными, бесцветными, как у всех нас, так что видеть могут только через свои рога. Тогда, глядя на снег, одни будут утверждать, что он синий (допустим, что адаптация не происходит и способность цветоразличения сохраняется), другие - что он красный, а третьи - что он белый. Кто же из них прав? Следуя Канту, надо сказать: все будет зависеть от того, какой познавательный смысл будут вкладывать они в свои утверждения. Если они naïвно подразумевают, что снег сам по себе синий, красный или белый, то утверждают нечто неправомерное, так как имеют дело со снегом как явлением, а не как вещью самой по себе, т.е. имеют дело со снегом как чувственным восприятием. Если же словом "снег" они обозначают определенное предметное восприятие, то каждый из них прав: в чувственном восприятии одного из них снег инвариантно синий, в восприятии другого - красный, третьего - белый. Только в этом смысле, по Канту, подобные утверждения имеют адекватное познавательное значение.

Продолжая этот пример, можно было бы сказать, что нашей чувственной восприимчивости изначально, в качестве априорной способности, присуще пространственно-временное видение мира, - наши органы чувств (осязания, зрения, слуха и т.п.) как бы "оснащены" одинаковыми у всех людей пространственно-временными "очками", так что видеть, осязать и т.п. мы можем

только в пространственном и временном аспектах. Пространство и время, как формы присущего нам наглядного созерцания и не имеющие дальнейшего объяснения своего происхождения, сами не могут быть предметом чувственного восприятия. Мы видим мир через пространственно-временные "очки", но не можем видеть сами эти "очки". Пространственная и временная формы наглядного созерцания обнаруживают себя только в актах восприятия (перцепции) или наглядного воображения. Нельзя актуализировать пространственную и временную формы наглядного созерцания, не имея действительных ощущений или не представляя чего-нибудь, например, геометрических тел или интервалов между событиями, так как пространство и время суть способы соответственно внешнего и внутреннего созерцания, делающие возможными сами ощущения или наглядные представления (как продукты чувственного воображения). Поэтому и сами свойства пространства и времени могут быть познаны не непосредственно из самих себя, а лишь через усмотрение пространственно-временных связей явлений действительного или воображаемого чувственного опыта. В этом смысле геометрия и арифметика, будучи априорными науками, имеют опытное происхождение и применение. Отношения, устанавливаемые ими на основе рассмотрения случайного материала опыта или воображения, имеют силу для любого действительного и возможного опыта, так как эти отношения выражают способ, каким только и могут быть нам даны в опыте чувственные образы. "Строение" пространственных и временных "очков" предопределяет форму любых возможных явлений нашего опыта, поэтому оно и может быть познано при посредстве их, хотя и не извлекается из них и не порождается ими.

В русле кантовских воззрений мы можем полагать следующее. Как и в случае с разноцветными роговицами, люди обычно относятся к самим вещам вне нашего ума пространственность и временную длительность восприятий, обусловленные пространственно-временными "очками", т.е. наивно полагают, что вещи и сами по себе характеризуются пространственными и временными свойствами, формами и отношениями. С точки зрения теории познания

Кант наделять вещи в себе пространственными и временными характеристиками столь же неправомерно, как относить к ним указанные синий или вообще какой бы то ни было цвет, а также запахи, вкус и т.п., т.е. считать качества ощущений объективными качествами вещей или их зеркально-подобными отображениями (5, 724-725). Пространственная и временная локализация ощущений красного цвета, определенного запаха, гладкости поверхности и т.п. дают нам восприятие, содержащее явление, называемое вишней. Мы говорим, например, что вишня красна или что она кругла; но эти и подобные утверждения, по Канту, относимы не к вещам вне нашей чувственности и ума, а лишь к их действиям на нашу чувственность, к явлениям.

Учение Канта о пространстве и времени как априорных формах чувственного созерцания было подвергнуто критике Фейербахом, Энгельсом, Лениным прежде всего в гносеологическом аспекте, за отрицание в нем объективного пространства и времени, и, тем самым, соответствия им перцептуального пространства и времени. "Если ощущения времени и пространства, - писал Л.И. Ленин, - могут дать человеку биологически целесообразную ориентировку, то исключительно под тем условием, чтобы эти ощущения отражали объективную реальность ..." (2, 195). В эпистемологическом отношении Кант прав по крайней мере в том, что мы приступаем к познанию фактически при наличии уже сформировавшейся способности чувственного восприятия, а тем самым и со способностью пространственного и временного видения мира. Психологией достигнуты значительные успехи в раскрытии путей формирования пространственного видения на основе кинестетических, осязательных и зрительных ощущений (и соответствующих им нервно-физиологических механизмов). Но развитие способности пространственных и временных восприятий в филогенезе и онтогенезе высокоразвитых животных и человека само по себе не опровергает утверждение априорности перцептуального пространства и перцептуального времени, поскольку оно интерпретируется как признание того, что никакие ощущения (зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые и т.п.), а также

никакие феномены наглядного воображения не могут быть актуализированы вне перцептуального пространства и времени. Кант прав в отрицании возникновения перцептуального пространства и времени из ощущений, поскольку последние предполагают первые, а первые не содержатся в последних (т.е. перцептуальное пространство и время не являются элементами содержания ощущений). Но способность пространственного и временного видения может и должна быть объяснена в плане возникновения и развития чувствительности как первоначальной формы идеального отражения, раздваивавшей в ходе эволюции нервной системы на ощущения, как содержание восприятий, и их пространственно-временную перцептуальную структуру.

В учении Канта явления как некоторые упорядоченные согласно априорным условиям пространства и времени группы ощущений, сами по себе не образуют опыта как такового, — они включают в себе лишь возможность опыта. Чтобы явление стало компонентом опыта (и в контексте последнего предстало предметом, объектом познания), необходимо присоединение к чувственности определений, понятий рассудка. Опыт как таковой помимо чувственных восприятий предполагает еще два дополнительных условия, априорно содержащиеся в рассудке и делающие возможным познание явлений, т.е. их мысленное рассмотрение.

Первое из них состоит в способности рассудка охватывать и относить многообразие восприятий к одному и тому же "я", сознать, "переживать" перцепции как принадлежащие одному и тому же сознанию и связанные в нем. Осознание многообразных, сменяющих друг друга чувственных восприятий как "моих", принадлежащих одному и тому же "я", Кант называет первоначально-синтетическим единством апперцепции и считает его основополагающей функцией рассудка.

Предположим, натуралист в течение недели наблюдал образ жизни, повадки и т.п. какого-нибудь зверька. Для натуралиста изучение поведения этого зверька было бы полностью исключено, если бы он данные наблюдения в виде сменяющихся во времени зрительных, слуховых, обонятельных и т.п. ощущений и восприятий не осознавал как свои собственные, следовательно, не

сознавал бы себя как одну и ту же личность. По-видимому, противоположную ситуацию можно представить, вообразив, что этот натуралист полностью лишен памяти. Тогда его сознание (если оно вообще при этом возможно) было бы целиком приурочено к текущему моменту, связано только с наличным чувственным содержанием в каждый момент времени без связи с прошлыми восприятиями и без отношения к возможным будущим. "... Только в силу того, что я могу постичь многообразное (содержание) представлений в одном сознании, я называю все их моими представлениями; в противном случае я имел бы столь же пестрое разнообразное Я (Selbst), сколько у меня есть сознаваемых мной представлений" (5, 193). Отсутствием этого первоначального единства сознания полностью исключалось бы усмотрение связи между наличными восприятиями, между прошлыми восприятиями, а также между прошлыми и наличными, т.е. в силу невозможности сопоставления и анализа восприятий чувственный опыт не был бы возмещен.

Каждый может переживать только собственные восприятия, но переживание их как своих, как компонентов одного и того же внутреннего мира, т.е. переживание принадлежности явлений одному и тому же "я", как и переживание (фиксация) этого "я" само не есть ощущение или явление. Как переживание, оно есть не чувство, а мысль ("я мысло" как нечто сопровождающее всякое содержание и состояние нашего сознания, даже тогда, когда предметом нашего рассмотрения становится само это "я" или "я мысло"). "В отношении к рассудку высшее основоположение о возможности созерцания гласит, что все многообразное в их подчинено условиям первоначально-синтетического единства апперцепции. Все многообразные представления созерцания... должны иметь возможность быть связанными в одном сознании; так как без этой связи через них ничто нельзя мыслить или познать, потому что в таком случае данные представления не имели бы общего акта апперцепции я мысло и в силу этого не связывались бы в одном самсознании" (5, 194-195).

Сознание того, что все мои восприятия суть восприятия в одном и том же моем "я", т.е. самосознание, или сознание себя как одного и того же коррелята многообразных текучих восприятий, есть, бесспорно, необходимое условие познания; более того, оно есть начало всякого сознания и мышления. Человек отличается от животного в этом плане тем, что "переживает" себя как "я", противопоставляя себя внешней среде, тогда как психика животного, лишенная сознания, а тем самым и самосознания, непосредственно совпадает с ощущениями, восприятиями и другими психическими феноменами. "Животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью, - писал Маркс. - Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть эта жизнедеятельность. Человек же делает самое свое жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Это не есть такая определенность, с которой он непосредственно сливается воедино. Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности... Человек удваивает себя не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и совершает самого себя в созданном им мире" (I, 565-566). Раздвоение психики животного предка человека в форме отнесенности многообразия ощущений и восприятий, а также иных чувственных феноменов, с одной стороны, к одному и тому же "я" как состояний субъекта, а с другой - к внешнему миру как его отражений, явилось становлением сознания человека. Основой этого процесса явился труд на уровне производства орудий труда. Производство орудий труда осуществляет реальное удвоение человека в деятельности, которая стимулируется не наличными физиологическими потребностями или непосредственными воздействиями внешней среды, а потребностями в орудиях труда как эффективных предметных условиях производства средств непосредственного потребления. "Животное, правда, тоже производит, - писал Маркс. - Оно строит себе гнездо или жилище, как это делает пчела, бобр, муравей и т.д. Но животное производит лишь то, в чем непосредственно нуждается оно само или его детеныш,

... оно производит лишь под властью непосредственной физической потребности, между тем как человек производит даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее..." (I, 566).

Производство орудий труда "научило" мозг нашего животного предка продуцировать психические феномены, являющиеся не чувственными образами непосредственного природного окружения или переживаниями наличного состояния организма, а наглядными представлениями того, чего еще нет - производимого орудия труда и ситуаций его применения. Возникновение способности наглядного воображения (наглядно-образного мышления) есть начало сознания вообще. Производство орудий труда породило и развило у человека способность осознавать свои потребности, оценивать возможности их удовлетворения в той или иной ситуации, и на этой основе сознательно ставить себе цели, представлять себе пути их достижения. Животные же, даже высшие из них, в силу отсутствия сознания не способны в каких бы то ни было образах идеально предвдывать, проектировать свое поведение.

Только производство орудий труда, возникшее первоначально под воздействием исключительно биологических факторов, смогло "оторвать" содержание психики нашего предка от непосредственно воспринимаемой среды его обитания, развить психику до переживания в ней соотносительности ее содержания с субъектом и объектом, т.е. сформировать необходимые условия сознания как осмысленного отражения действительности. Эти условия сознания явились вместе с тем формой (способом) превращения производства орудий труда, и труда вообще из чисто животной формы деятельности, осуществляемой посредством безусловных и условных рефлексов, в деятельность сознательную, определяемую непосредственно ее планом в сознании.

Сам Кант и не пытался дать объяснение происхождению самосознания, ограничиваясь утверждением его наличия в мыслящем субъекте как психологически достоверного факта. Научная методологическая схема решения этого гносеологического вопроса

дается марксистской философией, рассматривающей возникновение и развитие труда основой появления и превращения в действительность возможностей формирования мыслящего мозга, подготовленных развитием животных форм труда в ходе биологической эволюции. Но признание Кантом самосознания (трансцендентального единства апперцепции) высшим условием чувственного опыта и возможности для субъекта вообще осуществлять познание, сохраняет глубокий эпистемологический смысл.

Третье условие чувственного опыта состоит в сознании явлений предметами (объектами), находящимися в связи между собой. Это условие также является априорным и дается рассудком с его категориальной "сеткой", накладываемой на сферу явлений. Прежде, чем может возникнуть чувственный опыт как средство познания явлений, полагает Кант, необходима способность мыслить нечто как предмет, а затем и сам предмет мыслить в том или ином категориальном определении - как причину, как субстанцию и т.п. По учению Канта, посредством чувственного созерцания нам даются предметы, но только как явления, которые еще не выступают как предметы. Явления предстают предметами в созерцании, но только при посредстве мышления, благодаря тому, что рассудок вообще способен оперировать категорией предмета и подводить под нее явление. "Всякий опыт содержит кроме чувственного созерцания, посредством которого нечто дается, еще и понятие о предмете, который дан в созерцании или является в нем; поэтому в основе всякого опытного знания лежат понятия о предметах вообще как априорные условия ..." (5, 187-188).

Чувственное созерцание, предметом которого служит явление, есть восприятие; явление есть инвариант имеющихся в созерцании перцепций или восприятий (в виде следующих друг за другом чувственных образов, перцепций сменяющихся состояний предмета, в виде различных созерцаний одного и того же предмета при различных эмпирических условиях и т.п.). Но различание восприятия и его предмета, т.е. явления, не есть нечто наличное в созерцании как таковом, не есть чисто-чувственный компонент опыта; для этого различения необходимо подве-

дение явления под понятие предмета вообще, а такое подведение есть функция рассудка. Только рассудок относит сменяющиеся по своему составу и времени перцепции к одному и тому же предмету, вычленяет в многообразии восприятий инвариантное содержание в качестве эмпирически данного предмета-явления вещи в себе, осуществляет предметную структуризацию многообразия чувственного созерцания, и тем самым формирует чувственный опыт как таковой, порождает его.

Познавать мы можем только явления, а не вещи в себе, которые непознаваемы именно потому, что недоступны чувственному восприятию, т.е. ни в каком опыте не могут стать предметом чувств, содержаться в чувственном созерцании. Но "... правильно считая предметы чувств лишь явлениями, - пишет Кант - мы ведь тем самым признаем, что в основе их лежит вещь в себе, хотя мы не знаем, какова она сама по себе, а знаем только явление, т.е. способ, каким это неизвестное нечто воздействует на наши чувства. Таким образом, рассудок, допуская явления, тем самым признает и существование вещей в себе; и в этом смысле мы можем сказать, что представление о таких сущностях, лежащих в основе явлений, стало быть, о чисто умопостигаемых сущностях, не только допустимо, но и неизбежно" (6,134). В опыте явление осознается как предмет чувственного восприятия, отличный от внешней по отношению к нему вещи в себе, аффицирующей чувственность. Вместе с тем данные в опыте предметы чувственного восприятия осознаются как явления вещей в себе. Этим устанавливается, полагает Кант, существование вещей в себе, иначе "... мы пришли бы к бессмысленному утверждению, будто явление существует без того, что является" (6,93; см. также 89,141). Явление, по Канту, и есть единственно эмпирически данный для нашего познания предмет, и познание не может перейти от явления к вещи в себе, т.е. выходить за границы опыта, положенные совокупностью явлений действительного или возможного опыта.

Предметный характер явлений в контексте опыта заключается в том, что содержание явлений в виде совокупности ощущений локализуется в пространстве и времени как формах нагляд-

ного созерцания. Благодаря подведению явлений под понятие предмета чувственное многообразие нашего опыта предстает в виде расположенных в пространстве предметов и следующих друг за другом во времени событий. Отнесенность восприятий к явлениям как предметам в пространстве (в частности , вне нашего тела, которое, однако , также есть явление в присущих нашему "я" перцептуальном пространстве и времени) порождает психологическую иллюзию отнесенности ощущений к самим вещам вне нашего сознания, иллюзию "размещенности", "расположенности" ощущений к образуемым ими комплексам в объективном пространстве и времени. Эта иллюзия является превратным выражением в сознании предметности восприятий, заключающейся в живом чувствовании объективно-реального существования воспринимаемых вещей, в интенциональности чувственных образов. На самом же деле то "пространство" и то "время", в которых "расположены" и "чередуются" восприятия, являются (и тут Кант прав) не объективно-реальными пространством и временем, а субъективными чувствованиями, "переживаниями", формами наглядного созерцания, т.е. перцептуальными пространством и временем. Соответственно этому признаваемое Кантом существование вещей вне нашего ума не означает их пребывания в объективном пространстве и времени (существование таких объективных "вместителей" вещей и событий он отрицает), или в пространстве и времени как формах наглядного созерцания ("располагаться" в которых могут не вещи в себе, а только явления как эмпирически данные предметы, и образы наглядного воображения как предметы возможного опыта). По Канту способ, каким существуют вещи в себе, нам абсолютно неизвестен.

Для специфически-кантовского понимания опыта (как источника познания) существенно различие внесения рассудком категорической связи в многообразие явлений и извлечения из этой связи и основанных на ней законов природы из опыта. Первое есть акт становления, средство формирования опыта, представляющего собой сознание воспринимаемых явлений как находя-

щихся в связи предметов; через осознание явлений как предметов восприятий в опыте, многообразие чувственных созерцаний предстает как внутри себя дифференцированное на предметы, находящиеся в определенных категориальных связях и отношениях между собой (причем вносимые рассудком в чувственное многообразие категориальные связи, структурно упорядочивающие это многообразие в опыт, сами от этого не становятся чувственно созерцаемыми). В картинах Врубеля, если их рассматривать с близкого расстояния, ничего нельзя разобрать, кроме цветных пятен; нужно отойти подальше, чтобы усмотреть изображение. Подобно этому внесение рассудком категориальной структуры в многообразие слепых самих по себе чувственных созерцаний "просветляет" даваемую ими "картину" и делает возможным познание. В этой своей функции рассудок еще "... ничего не познает, а только связывает и располагает материал для познания, а именно созерцание ..." (5, 200); так что сознавать предмет и познавать его — это не одно и то же (5, 201).

Рассматриваемая функция рассудка, состоящая в подведении явлений под понятие предмета и внесении категориальной структуры в многообразие чувственных созерцаний, не является логической. Собственно логическое применение рассудка состоит в подведении под понятия уже имеющихся другие понятия или представления, несущие, в отличие от явлений, опосредствованный характер; осознание предметности явления не есть суждение в логическом смысле. Но Кант тесно связывал создающую опыт и познавательную функции рассудка, так что обе функции выполняются рассудком в одной и той же деятельности, в одном и том же применении к некоторому данному многообразию явлений. Иначе, дело не обстоит таким образом, что рассудок сначала упорядочивает чувственный материал, внося в него категориальную структуру, ту или иную предметную связь (категориальные отношения вещи и свойства, причины и следствия и т.п.), сообразуясь со свойствами пространства и времени как априорных форм наглядного созерцания, а затем из уже сформированного опыта

извлекает знание априорных законов явлений и основанных на них регулярностей явлений (так называемых эмпирических законов, лишенных всеобщего и необходимого значения). Предшествование упорядочивающей опыт функции рассудка его познавательной функции носит скорее характер логического отношения между основанием и тем, чему оно служит основанием, нежели характер временной последовательности, т.е. той же самой деятельностью, которая реализует познание из опыта, конструируется и сам опыт.

Мышление, рассматриваемое со стороны своей формы, есть опорирование рассудком имеющимися у него представлениями и понятиями, априорными или эмпирическими по своему происхождению, и оно в опыт (как источник познания) не входит. Поэтому логическая структура, как специфичная для мышления, не может иметь в опыте никакого носителя или выразителя, ибо в нем нет ни суждений, ни понятий как таковых.

Суждения в отношении своего содержания различаются своими логическими функциями: в одних суждениях предметы определяются в отношении качества, в других - в отношении причинности, в третьих - в отношении субстанциальности и т.п., и это возможно потому, по мнению Канта, что идеи качества, количества, субстанции, причинности и т.д. представляют собой изначально присущие рассудку способы понимания вообще, осмысления чего бы то ни было, - никакой предмет не может быть понят, познан без образования понятия о нем в том или ином категориальном "разрезе", категориальном отношении (аналогично тому как в созерцании никакое ощущение и никакой наглядный феномен воображения не может быть дан вне перцептуального пространства и перцептуального времени). Категории Кант называет чистыми рассудочными понятиями. Они, правда, имеют содержание, но оно само по себе образует не знание, а лишь схему знания, специфический способ формирования знания путем применения категорий к какому-либо предмету: по Канту, никакое содержание сознания или рассудка, не имеющего предмета, к которому оно отнесено, не может быть знанием. При этом

предмет, относительно которого может иметь место знание, должен быть дан рассудку (в отношении своего материала) извне . У нас такой материал состоит исключительно из чувственных созерцаний; если бы наш рассудок мог созерцать предметы, полагает Кант, то таким внечувственным, интеллектуальным созерцанием порождались и непосредственно созерцались бы вещи в себе наподобие явлений в чувственном созерцании: такое созерцание Кант предполагает у бога. Иначе, категории - орудия производства знаний, понятий (если понятием считать не чистую форму знания, а само знание, связанное с опытом. Понятие, как знание, Кант называет чувственным понятием, в отличие от чистого понятия, являющегося лишь формой или схемой знания). Поскольку категории не суть понятия в традиционном логическом смысле, постольку они не могут быть получены из понятий ни с помощью самих себя, ни средствами логических операций, например, операцией обобщения понятий. Кантовская трактовка категорий резко противостоит обычным представлениям о них как предельно широких или предельно общих понятиях. О категории (как и о любом предмете вообще - доме, дереве и т.п.) можно образовать понятие посредством суждений о ней; но понятие о категории само не есть категория, как и категория не есть понятие. Функциональная трактовка категорий не как понятий (пусть и предельной степени общности), а как схем образования суждений, как элементов внутренней структуры знания (в отличие от внешней, логической) может быть, позволит понять как мнимую проблему соотношения общенаучных и философских категорий: нет ни общенаучных, ни философских категорий, а есть категориальная структура мышления, единая для рассуждений посредством как философских, так и прочих, "не философских" понятий. С этой точки зрения, на мир мы "взираем" через сложившуюся в нашем сознании категориальную сеть, и философией мы занимаемся не тогда, когда стремимся посредством этой категориальной сети понять что-то вне этой сети находя-

щееся - во внешнем мире или в самом сознании, а когда "взираем" на самую эту вещь, исследуем ее происхождение, отношение к действительности, познавательные функции. При этом мы вынуждены "просвечивать" одни категории через другие, так как мыслить можем только посредством категорий, и для мышления о категориях не существует особых категорий; но только так и можно сделать сами категории предметом исследования.

Так как знание есть синтез категориальной структуры и предметного содержания чувственного опыта, то оно не может быть составлено непосредственно из явлений, но может быть почерпнуто только из опыта, тем самым посредством явлений, поэтому последние и должны быть, полагает Кант, подготовлены рассудком для своей же деятельности по созиданию знания. И "приготовление" это состоит в произвольном, "спонтанном" проецировании категориальной связи на сферу явлений (при ограничениях, накладываемых совершенно не зависящими от рассудка пространственно-временными соотношениями). Эта проекция будет лишь осознанием явлений как предметов познания вообще, данных в опыте под теми или иными категориальными определениями, в их "свете". Рассудок (который не эквивалентен "я" и есть лишь одна из познавательных способностей "я") при этом не входит непосредственно в сферу явлений или даже опыта; он остается при себе, а опыт есть мир явлений, каков он по отношению к рассудку и в свете его категорий. Рассудок здесь подобен источнику категориального света, который освещает явления, превращая их в предмет опытного познания. Если же категориальный свет не встречает на своем пути ничего даваемого ему извне, то он не может породить никакого знания. Так происходит, полагает Кант, с разумом, который, вооружившись категориями рассудка, применяет их за пределами действительного и возможного опыта к познанию сверхопытных (запредельных), т.е. лишь мыслимых предметов (мир в целом как актуальная бесконечность явлений, бог, душа), порождая лишь хамеры в виде антиномий и паралогизмов, а не действительное знание. И так как предметы познания доставляются рассудку

исключительно посредством чувственности, а явления связаны свойствами априорного перцептуального пространства, описываемого евклидовой геометрией, то мы в познании не можем выйти за границы опыта и в том смысле, что никакой предмет возможного опыта и вообще никакой чувственный образ не можем представить в ином перцептуальном пространстве, — например, в перцептуальном пространстве неевклидовых или многомерных геометрий, объекты которых остаются для нас принципиально ненаглядными. Поскольку неевклидовы геометрии претендуют на статус возможного теоретического описания объективного, а не перцептуального пространства, постольку они ни в какой мере, вопреки распространенному мнению, не опровергают учение Канта об априорности пространства и его метрических свойствах, так как наше перцептуальное пространство фактически удовлетворяет только метрике "плоского", евклидова пространства.

Возникающее для кантовской теории познания затруднение, связанное с проблемой наглядности в современной физике (в плане наглядного представления элементарных частиц в единстве их корпускулярных и волновых свойств, "кривизны" пространственно-временного континуума в общей теории относительности и т.п.) может быть устранено соображением о том, что мысленные описания таких принципиально ненаглядных объектов могут быть модельно наглядно интерпретированы и тем самым стать "понятными" для нас. Необходимость наглядности в структуре знания утверждается Кантом вполне последовательно: "... необходимо сделать чувственным (*sinnlich*) всякое абстрактное понятие, т.е. показать соответствующий ему объект в созерцании, так как без этого понятия (как говорится) было бы бессмысленным (*ohne Sinn*), т.е. лишенным значения. Математика выполняет это требование, конструируя фигуру, которая есть явление, принадлежащее нашим чувствам (хотя и созданное *a priori*). В этой науке понятие количества ищет смысл и опору в числе, а число — в показываемых нам пальцах, костяшках счетов или палочках и точках" (5, 302). Всякое знание является единством чувственного и рационального, т.е. не заклю-

чается ни в чувственных созерцаниях самих по себе, ни в "чистых" понятиях, а представляет собой синтез того и другого, происходит из опыта и относится исключительно к действительному или возможному опыту, так как только чувственность доставляет нам предметы для познания.

В этой же связи представляет определенный эпистемологический интерес идея Канта о средствах "подведения" явлений под категории, поскольку "... чистые рассудочные понятия совершенно неоднородны с эмпирическими (и вообще чувственными) созерцаниями" (5, 220). Возможность применения категорий к явлениям он обуславливает полагаемой продуктивной способностью воображения трансцендентальной схемой, которая, с одной стороны, интеллектуальна, а с другой - чувственна, почему и может выполнять функцию подведения явлений под категории. Схема - не образ созерцания, а лишь представление об общем способе, каким воображение доставляет понятие соответствующей ему наглядный образ (5, 203-205, 220-227). Эту идею вполне можно интерпретировать как утверждение неразрывной связи понятийного и наглядно-образного мышления в процессе познания.

Таким образом, согласно учению Канта о чувственном опыте, посредством чувственного созерцания предметы познания нам даются, однако лишь в качестве явлений; предметная структуризация многообразия чувственного созерцания осуществляется рассудком путем подведения, на основе продуктивного воображения, явлений (сообразно данной в созерцании их пространственно-временной локализации) под понятие предмета с его категориальными определениями; но высшим условием последнего и возможности опыта вообще является сознание многообразия созерцания как принадлежащего одному и тому же "я" как субъекту познания, что предполагает сознание тождества "я" как коррелята всего этого сменяющегося многообразия чувственного созерцания. Кант, несомненно, вскрыл действительную структуру опыта, хотя и дал ему ошибочное гносеологическое истолкование.

Как упоминалось, опыт трактуется Кантом не только как источник познания, но и как само познание. В анализе познания Кант уделяет основное внимание деятельности рассудка по формированию знаний, причем включает в опыт не только деятельность рассудка по спонтанному внесению категорической связи в многообразие явлений, но и деятельность рассудка по извлечению этой связи из таким способом организованного, сформированного чувственного опыта. Последнюю форму деятельности рассудка можно считать уже собственно познанием, а не частью опыта, если опыт квалифицировать как источник познания. Во всяком случае, нельзя отрицать глубокое проникновение Канта в специфику познания в том отношении, что никакой опыт не существует до или вообще познания: начало познания есть вместе с тем превращение чувственных образов (ощущений, восприятий, наглядных представлений) в компонент опыта.

Учение Канта об опыте отражает его критические позиции как в отношении "мечтательного" феноменализма Беркли, так и в отношении теории отражения в ее наивно-реалистическом варианте. Канта не убеждал и скептицизм Юма в отношении существования внешнего мира, а также отрицание им возможности получения опытным путем общезначимого аподиктического знания. Но и созерцательный, метафизический материализм, к которому он был близок в первый, "докритический" период развития своих воззрений, представлялся позже ему "догматическим", неспособным уловить и раскрыть оложный характер познания, активную, творческую роль субъекта, его сознания в созидании знаний. Его теория познания представляла собой поэтому попытку соединить материализм и идеализм. "Основная черта философии Канта, — писал Ленин, — есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе равнородных, противоположных философских направлений. Когда Кант допускает, что нашим представлениям соответствует нечто вне нас, какая-то вещь в себе, — то тут Кант материалист. Когда он объявляет эту вещь непознаваемой,

трансцендентной, потусторонней, — Кант выступает как идеалист. Признавая единственным источником наших знаний опыт, ощущения, Кант направляет свою философию по линии сенсуализма, а через сенсуализм, при известных условиях, и материализма. Признавая априорность пространства, времени, причинности и т.д., Кант направляет свою философию в сторону идеализма" (2, 206). Но природе, происхождению и познавательным функциям компонентов опыта, как и сущности познания в целом, Кант дал идеалистическое в конечном счете истолкование, придав материалистическому признанию существования вещей в себе значение формального допущения аффектации нашей чувственности извне, т.е. несопроизвольного характера возникновения явлений в отношении их содержания, ощущений. Ощущение он считает чисто субъективным содержанием явления в том смысле, что его определенность не может быть отнесена к вещи в себе как образ свойства этой вещи; тем не менее ощущение "... дает нам ... сознание того, что субъект подвергается воздействию, и которое мы относим к объекту вообще" (5, 241).

Кант не отождествлял способность вещей в себе аффицировать наши чувства с материальностью или субстанциальностью вещей в себе, ограничиваясь утверждением того, что они суть necessarily мыслимые нами вещи. В истории философии много спорили (в общем бесплодно) о том, какова с точки зрения Канта природа его вещи в себе. Дискуссия по этому вопросу велась и среди советских философов. Одни выказывались в том смысле, что вещь в себе есть (в рамках учения самого Канта, разумеется) духовная вещь; мысленная сущность, чистая мысль; другие — что она материальна, третьи — что термин "вещь в себе" употребляется Кантом двояко, — и для обозначения материальной вещи в себе (когда речь идет о происхождении явлений); и для обозначения духовной сущности (когда речь идет о душе, божестве). Те, кто утверждал, будто Кант считал вещь в себе материальной, забывали, что категория материальности; субстанциальности и т.п. Кант счи-

тал применимыми только к явлениям, но никак не к вещам, каковы они сами по себе. Те же, кто приписывал Канту признание идеальности, духовности вещей в себе, отождествляли "мыслимость" вещей в себе (необходимость для рассудка мыслить воздействие чего-то на нашу чувственность) с "мысленностью", "мыслительной" природой вещей в себе. И те, и другие в этой дискуссии по существу игнорировали неоднократные прямые утверждения Канта; полностью согласующиеся с содержанием его теории познания, что о вещах в себе, их природе мы абсолютно ничего не можем знать (познавать) кроме их существования вне нашего ума и вне нашей чувственности (поскольку, по учению Канта, вещи в себе не содержатся ни в нашем чувственном созерцании, ни в рассудке). Более того, самому признанию существования вещей вне рассудка и чувственности ("вне ума") Кант придает проблематическую форму. "... Рассудок, — пишет Кант, — ...мыслит предмет сам по себе, однако только как трансцендентальный объект, ... который нельзя мыслить ни как величину, ни как реальность, ни как субстанцию и т.п. (потому что эти понятия нуждаются в чувственных формах, в которых они определяют предмет), стало быть, об этом объекте совершенно неизвестно, имеется ли он в нас или вне нас и был бы он уничтожен вместе с чувственностью или он остался бы и после ее устранения" (5,333). Здесь "существование в нас" означает существование в нашем "я" (но не в присущих нашему "я" формах чувственности или мышления), а "существование вне нас" — существование вне нашего "я" (а тем самым вне пространства и времени как форм наглядного созерцания, а также вне категорий и вообще вне рассудка как способности нашего "я").

Теория познания Канта обсуждалась главным образом в гносеологическом аспекте, т.е. с точки зрения решения в ней ее внешних вопросов об отношении познания и его средств к действительности. Критика кантовской теории познания и со стороны материалистов, и со стороны идеалистов, хотя и велась с противоположных позиций, тем не менее шла по пути преодоления агностицизма и учения об априорности форм наглядного

созерцания, а также категорий рассудка. Идеалисты свою критику "справа" направляли на необоснованность допущения Кантом вещи в себе, с отрицанием существования которой устранялось и представление о существовании чего бы то ни было непознаваемого в предметном мире, который, тем самым, исчерпывался бы явлениями, представляющими теперь как безотносительные (к вещам в себе), "последние" компоненты реальности и предметы познания, данные в опыте. Априоризм форм созерцания и мышления заменялся эмпиристическими, конвенционалистическими и т.п. их концепциями. Таков смысл попятного движения реакционной буржуазной философии от Канта к Юму и Беркли посредством "очищения опыта" у Канта от априоризма и вещи в себе (2, 202-206). Материалисты, наоборот, критиковали Канта "слева", за отрицание познаваемости вещи в себе, объективного существования пространства и времени, возможности объяснить происхождение перцептуального пространства и времени, а также способности мышления из биологического и социального развития.

Критика гносеологии Канта оставляла в тени эпистемологический аспект его теории познания, описание им "механизма" развертывания познания как процесса идеального отражения действительности. К тому же критика эпистемологии Канта не преследовала цели ее "исправления" (3, 161), нередко была некорректной, без должного проникновения в ее существо. Характерным в этом отношении может служить критика учения Канта об априорности пространства и времени как наглядных форм созерцания; обычно этому учению противопоставляют тезис об опытном происхождении перцептуального пространства и времени (если вообще поднимаются до различения перцептуального и объективно-реального пространства и времени), и постижения того, что Кант относит априорность к первым, а не ко вторым, существование которых он отрицает). Между тем Кант прав в том отношении, что перцептуальное пространство и время относятся к предварительным условиям, делающим возможным само возникновение опыта как источника и начала познания, и, следовательно, сами не могут возникнуть из опыта.

Возникновение и развитие способности пространственного и временного восприятия, "видения" мира в ходе биологической эволюции, для отдельного индивида - в ходе его психического развития, не является опытом как таковым и не тождественно происхождению из опыта. Перцептуальные пространство и время доопытны, они должны возникнуть и развиваться еще до того, как начнется познание, до опыта как такового. По-видимому, аналогичное рассуждение применимо и к категориям: человек (в детском возрасте) научается мыслить, т.е. подводить чувственно-воспринимаемые вещи под категориальные определения (на основе наглядного воображения и в наглядном содержании представления вещи и свойства, причины, сосуществования и т.п.) еще до того, как начнет познавать их в собственном смысле, ибо познание есть уже "...вечное, бесконечное приближение мышления к объекту" (З, I77). Ошибочно не эпистемологическое утверждение предварения опыту перцептуального пространства и времени, способности мыслить в категориях, сознавать себя самого (и предметность данного в восприятии многообразия), а гносеологическое отрицание возможностей объяснить происхождение всех условий опыта из отражения действительности еще до возникновения познания как такового. Данное Кантом описание элементов и структуры опыта, при отвлечении от их гносеологической интерпретации им самим, может послужить ценным материалом для разработки диалектического понимания чувственного опыта.

Л и т е р а т у р а

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
2. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Полн. собр. соч., Изд. 5-е, т.18.
3. Ленин В.И. Философские тетради .Полн.собр.соч.Изд.5-е, т. 29.
4. Кант И. Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма. Соч., т.2, М., 1964.
5. Кант И. Критика чистого разума. Соч., т.3.М., 1964.
6. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука. Соч., т.4(1).М.,1965.

МАРКОВ В.А.

ДИАЛЕКТИКА ИЗМЕНЧИВОСТИ И УСТОЙЧИВОСТИ В РАБОТАХ
И. КАНТА

Философское наследие И. Канта ближе всего стоит к современности по линии развития диалектических идей, высказанных им в связи с разработкой проблем теории познания. Одна из больших его заслуг в этой области - постановка (а в определенном смысле и решение) вопроса о единстве изменчивости и устойчивости, о глубокой внутренней взаимосвязи этих категорий. Изменчивость и устойчивость - всеобщие свойства бытия и познания, связанные друг с другом отношением единства противоположностей. Соответствующие им категории диалектики формулируются на том же уровне абстракции, на котором мы говорим о существовании в мире единичного и общего, необходимого и случайного, абсолютного и относительно-непрерывного и дискретного и т.д.

Под устойчивостью мы будем понимать любые формы сохранения в окружающем нас мире, так что понятия "устойчивость" и "сохраняемость" выступают здесь как эквивалентные. Изменчивость - это переход данной устойчивой формы во что-то иное, смена состояний и т.п. В отличие от сохранения и все виды изменчивости выступают как несохранение. Это последнее относится лишь к миру конкретных вещей и явлений и не касается самой материи, которая несоотворима и неуничтожима.

Идея сохранения в истории познания мира является одной из самых древних. Она уходит своими корнями в первобытную мифологию. Философы-материалисты всегда исходили из того, что в мире существует какое-то материальное начало, обладающее атрибутом сохранения. Однако при этом идея сохране-

ния нередко вырождалась в концепции о неизменности мира, бытия (элеаты), о неспособности материи самой по себе к прогрессивному развитию (Толанд) и т.п. Короче говоря, философы не видели действительного единства сохранения и изменения. В философии Спинозы материальный мир распадается на природу-субстанцию и природу как совокупность модусов этой субстанции, олицетворяющих предметный, вещный мир. Субстанция оказывается по существу оторванной от реального мира. Движение трактуется Спинозой лишь как один из модусов (не атрибут!) субстанции (7,36I-40I). Понятие субстанции по традиции рассматривалось чисто онтологически.

Канту предстояло глубоко переосмыслить категорию субстанции, разобраться в соотношении сохранения и изменения и тем самым внести свой вклад в решение этих проблем, существенно важных как с мировоззренческой, так и с методологической точки зрения. Понятно, что общие агностические позиции кантовской философии наложили и здесь свои сильные ограничения на поиски адекватных моделей (см. в этой связи I9,95).

Еще в "докритический" период Кант дал глубокий анализ категорий сохранения и несохранения. В работе "Опыт введения в философию понятия отрицательных величин" он поставил вопрос о том, каким образом реально происходящее действие может быть остановлено, т.е. в силу каких причин оно прекращает свое существование. Это действие не может самопроизвольно исчезнуть, - для его упразднения необходима вполне реальная причина. "Поэтому я говорю: всякое исчезновение есть отрицательное возникновение, т.е. для упразднения чего-то положительного, что существует, в такой же мере требуется подлинное реальное основание, как и для того, чтобы его произвести, если его /еще/ нет. ...Природа тел всюду дает нам примеры этого. Движение никогда не прекращается ни полностью, ни отчасти, если с ним не связана движущая сила, равная той, которая могла бы вызвать это движение при его прекращении, но противоположная ей /по направлению/" (9,105-106). Кант

приводит многочисленные примеры из различных областей предметного и духовного мира, иллюстрирующие выдвинутое им положение.

Необходимо заметить в этой связи, что Кант различает два вида основания вещей: л о г и ч е с к о е , опирающееся на законы формальной логики, анализ понятий и т.п., и р е а л ь н о е , исходящее из причинно-следственных связей , которые не могут быть выведены из одних понятий.

Противоположности , подмеченные Кантом , - возникновение и исчезновение , сохранение и несохранение, положительные и отрицательные свойства и т.п. - имеют р е а л ь н ы е основания, т.е. относятся к материальному (и духовному)миру, представляют собой онтологические характеристики, а не логические утверждения. Такова общая онтологическая структура бытия, и здесь можно видеть прообраз основной идеи материалистической диалектики о единстве и борьбе противоположностей.

Реальное основание, по Канту, никогда не может быть выведено из чисто логических соображений. Здесь содержится, безусловно, глубокая мысль о недопустимости смешения или отождествления логических и реальных оснований. Однако уже в этот период, как отмечает В.Ф. Асмус, обнаруживается агностическая тенденция, которая стала позднее лейтмотивом всей кантовской философии , - тенденция к недооценке способностей нашего рассудка постигнуть реальные связи вещей (16,24).

Конечно, логические построения не являются простой "копией" предметных отношений, но законы логики, как и все идеальные образы, возникающие в сознании человека, представляют собой в конечном счете а н а л о г и реально существующих связей и отношений , которые постигаются человеком в практической деятельности. В.И. Ленин писал, что "практика человека, миллиарды раз повторяясь , закрепляется в сознании человека фигурами логики" (5,198). При всей своей относительной самостоятельности логические основания служат

мощным средством познания реальности, в том числе и в области принципов сохранения. Ф.Энгельс подчеркивал, что "в теоретическом естествознании... нам приходится очень часто оперировать с не вполне известными величинами, и последовательность мысли во все времена должна была помогать недостаточным еще знаниям двигаться дальше. Современное естествознание вынуждено было заимствовать у философии положение о неумничтожимости движения; без этого положения естествознание теперь не может уже существовать" (3,360). Идея сохранения движения была высказана вначале на основе чисто логических (отчасти интуитивных) соображений, поскольку опытное естествознание возникло лишь в XVII веке, а закон сохранения энергии - решающий аргумент в пользу сохранения движения - был открыт только в середине XIX века.

Кант пытается сформулировать своеобразные принципы сохранения, имеющие метафизический (философский) характер. Этим принципам (положениям) должны подчиняться все реальные изменения, как положительные (возникновение), так и отрицательные (исчезновение) (9,III-II5).

П е р в о е п о л о ж е н и е. Во всех естественных изменениях, происходящих в мире, сумма положительного не увеличивается и не уменьшается. Все действия - и "положительные" и "отрицательные" - принадлежат одному и тому же миру. Положительное действие в одном отношении оказывается отрицательным в другом. Так, при ударе одно тело приобретает движение, а другое столько же его теряет (сокращение количества движения mV , где m - масса тела, V - его скорость).

Эту идею Канта можно записать символически :

$$\sum P_i = \text{const}, \quad (I)$$

где P - некоторое явление, свойство ;
 \sum - знак суммирования.

По существу эта мысль Канта, сформулированная, правда ,

в натурфилософской манере, выражает идею о том, что в мире ничто не возникает и не исчезает без реальных оснований, но на все имеется своя причина. Движение, например, не возникает из ничего и не исчезает бесследно, а лишь переносится с одного тела на другое.

Второе положение. Все реальные основания — положительные и отрицательные — дают результат, равный нулю, т.е. взаимно компенсируют друг друга. Поэтому сумма всех существующих реальностей, т.е. возникновений и уничтожений, равна нулю. (Значит, в мире имеется некоторая основа, остающаяся при всех преобразованиях одной и той же).

В символическом виде:

$$\sum_i A_i + \sum_i D_i = 0, \quad (2)$$

где **A** — событие, которое интерпретируется как возникновение;

D — событие, имеющее обратный смысл (уничтожение).

Как нетрудно заметить, игра природных сил подчиняется у Канта правилам ведения игр с нулевой суммой, когда одна сторона приобретает ровно столько, сколько теряет другая (I7, 448).

Категории возникновения и уничтожения (исчезновения) применяются Кантом исключительно к миру конкретных вещей и явлений, претерпевающих самые различные изменения и превращения. Они не относятся ни к материи как таковой, ни к движению как таковому. Стало знаменитым его изречение: "Д а й т е м н е м а т е р и ю , и я п о с т р о ю и з н е е м и р , т.е. дайте мне материю, и я покажу вам, как из нее должен возникнуть мир" (8, 126). Согласно Канту, движение дано вместе с самой материей, поэтому не следует искать особого источника движения. Но в мировоззрении немецкого мыслителя были и "посторонние прибавления" (Энгельс): в конечном счете первопричиной материального мира он считал бога, — концепция, типичная для деизма.

В диссертации "О форме и принципах чувственного и умопостижаемого мира" (1770) Кант формулирует три "принципа сообразности", под которыми он подразумевает определенные правила, принимаемые аксиоматически в силу того обстоятельства, что без них наш рассудок не мог бы составить почти никакого суждения о реальных объектах.

Первый принцип: все во вселенной происходит согласно естественному порядку. Этот принцип единодушно принимали все философы с самыми редкими исключениями.

Второй принцип - это свойственное философскому уму стремление к единству, откуда возникло правило: не следует принимать много принципов без крайней необходимости.

Третий принцип: никакая материя вообще не возникает и не уничтожается, и все изменения в мире касаются только формы. "Этот постулат по указанию обыденного рассудка проник во все философские школы не потому, что он считается достоверным или *a priori* доказанным доводами, а потому, что если признать материю текучей и переходящей, то совершенно не останется ничего устойчивого и постоянного, что еще могло бы служить для объяснения феноменов по всеобщим и неизменным законам, а следовательно, и для применения рассудка" (9, 424).

Как видим, Кант предпринимает здесь попытку аксиоматического построения теории рационального познания мира. Сформулированные им "принципы сообразности" имеют характер метапринципов, относящихся к сфере разума в отличие от рассудочного мышления, с помощью которого осуществляются все формальнологические операции. Кант прав в том отношении, что к метапринципам подобного рода обычные доказательства (эмпирические и теоретические) не применимы, ибо аксиомы не доказываются, а наоборот, сами служат основой доказательств. Он прав и тогда, когда постулирует наличие в мире каких-то устойчивых моментов (они ассоциируются с сохранением материи), ибо действительно никакое познание было бы не-

возможно, если бы в окружающем мире мы находили одну тотальную изменчивость. Еще Платон отмечал, что "сами вещи имеют некую собственную устойчивую сущность, безотносительно к нам и независимо от нас ...", что "видимо, нельзя говорить о знании, ... если все вещи меняются и ничто не остается на месте" (6,419,490).

С Кантом нельзя лишь согласиться в том, что все эти "принципы сообразности" носят чисто условный, конвенциональный характер. Здесь перед нами агностик, который не решает "заглянуть" в сущность вещей и заранее обрекает себя на вечные сомнения относительно того, какова же эта сущность. Любые принципы, если они претендуют на роль научного объяснения, мира, абстрагируются в конечном итоге из самого этого мира, хотя процесс абстрагирования может нами и не осознаваться или выступать в какой-то неадекватной форме (априоризм, конвенционализм и т.п.).

С современной точки зрения большой интерес представляет сама попытка аксиоматического построения системы философских знаний, предпринятая Кантом. Действительно, философские принципы в силу их универсальности не могут быть получены индуктивным путем. Любая индукция будет неполной, если встает задача теоретического описания достаточно широкого класса явлений. Поэтому любое философское утверждение вводится в систему научных знаний дедуктивным путем. В целях педагогической простоты и наглядности можно, конечно, рассуждать по такому алгоритму: в замкнутых системах масса, электрический заряд, энергия, импульс и другие физические величины сохраняются, — следовательно материя и движение также сохраняются. Но, строго говоря, принцип сохранения материи и движения таким путем обосновать нельзя. В о - п е р - в ы х , остается неясным переход от физических величин к материи вообще (как объективной реальности). В о - д т о - р ы х , нам известны далеко не все формы сохранения в объективном мире. А в - т р е т ь и х , "несохранение" — и это подчеркивал Кант — есть такой же феномен, как и "сохранение";

и то и другое чем-то обусловлено, значит, отвечает исходному принципу научного мышления, сформулированному еще Спинозой: *natura est causa sui* (природа есть причина самой себя).

При ближайшем рассмотрении проблемы сохранения выясняется, что идея сохранения материи и движения вводится в структуру научного знания **а к с и о м а т и ч е с к и** и "доказывается" всей суммой наших знаний о мире (вернее самой возможностью рационального познания мира), где законы сохранения, известные в естествознании, играют лишь роль наилучшего "наглядного пособия", с помощью которого легко постигается общая идея сохранения.

Конечно, Кант, далекий в общем от материализма, не мог сделать таких выводов. Их сделали позднее материалисты в лице Л.Фейербаха, который говорил, что мышление человека по природе своей не способно выйти за пределы бытия. Поэтому мы не можем себе даже представить такого противоестественного феномена, как творение материи из ничего. "Мышление не может выйти за пределы существующего, — писал Фейербах, — потому что оно не может выйти за пределы самого себя, потому что разум есть только утверждение бытия, потому что только то или иное бытие может мыслиться как ставшее, а не само бытие. Мыслительная деятельность удостоверяет себя в качестве основательной реальной деятельности лишь тем, что ее первое и последнее понятие составляет понятие безначального бытия" (15, 89).

"Ничто", понимаемое в абсолютном смысле, есть абсолютный самособман, основная ошибка, безусловная внутренняя ложь, говорит Фейербах. Мышление о "ничто" есть мышление, само себя опровергающее. Если бы "ничто" было мыслимым, то исчезло бы различие между разумом и неразумием, и все невозможное могло бы оправдать себя. "Поэтому, поскольку творение **и з н и ч е г о** выдавалось за мысль, выдавалось за истину, постольку бессмысленнейшие фантазии, нелепейшие чудеса казались **в о з м о ж н ы м и** ..." (15, 91). Мыслимо

лишь конкретное ничто, т.е. отсутствие, отрицание и т.п. тех или иных предметов, их свойств, связей, отношений (у Канта этому соответствуют категории исчезновения и уничтожения). "Ничто" как отрицание самой материи, хотя бы малейшей ее части, не осуществимо и не мыслимо в пределах рационального миропонимания.

Детальный анализ категорий субстанции, сохранения, изменения и т.п. Кант проводит в своем основном философском труде - "Критике чистого разума". В качестве первой аналогии опыта он выдвигает основоположение постоянности: "Все явления содержат в себе постоянное (субстанцию) как самый предмет и изменчивое в качестве лишь определения предмета, т.е. способа его существования" (10,770). Во втором издании "Критики ..." первая аналогия опыта выступает в виде основоположения о постоянности субстанции: "При всякой смене явлений субстанция постоянна, и количество ее в природе не увеличивается и не уменьшается" (10,252).

Хотя Кант в конечном счете и рассматривает субстанцию как категорию познания, имеющую априорный характер, его анализ понятия субстанции объективно, т.е. независимо от общих философских установок, способствовал формированию взглядов на материю как изменяющуюся и вместе с тем сохраняющуюся сущность. Однако Кант понимает субстанцию слишком упрощенно (всецело в духе представлений того времени) - как некий субстрат, который можно измерить количественно, ибо говорит о "количестве субстанции". Следует заметить, что представления о количестве материи очень долго держались в сознании естествоиспытателей и философов. В виде реликтовых остатков они встречались до последнего времени и в нашей литературе (18). В качестве меры количества материи рассматривались масса, число атомов и т.п.

Здесь явно смешиваются два уровня в познании предметного мира: философский и конкретнонаучный. Материя как объективная реальность и как субстанция не может быть измерена какой-то конкретной физической мерой, потому что эти два уровня в данном отношении просто несоизмеримы. Точно так же нельзя искать какую-то абсолютную меру для движения вообще. Всекие измерения начинаются "этажом ниже" (в смысле уровней абстракции), т.е. в области конкретных видов материи и форм движения. Помимо всего прочего, признание тезиса о постоянстве количества материи (субстанции) предполагает наличие "сосчитанной бесконечности", ибо материальный мир бесконечен. Аналогичную ошибку совершил еще Декарт, когда он выдвинул положение о том, что количество имеющегося во вселенной движения остается всегда одним и тем же. Ф. Энгельс указал по этому поводу, что "выражение, имеющее смысл в применении к конечному, применяется к бесконечной величине" (3, 392).

В "Пролегоменах" кенигсбергский философ подчеркивал, что понятие субстанции становится бессодержательным и бесполезным для научного познания, если не исходить при этом из постоянства субстанции. Он писал, что "понятие это остается совершенно пустым и без всяких последствий, если нельзя доказать его постоянность как то, что делает плодотворным в опыте понятие субстанции" (II, 157). Понятие субстанции, вообще говоря, имеет различные аспекты, которые обнаруживаются в контексте соответствующих философских построений. Субстанция есть первооснова мира, она вечна и бесконечна и т.д. Но без атрибута постоянства (сохранения) она перестает выполнять свою функцию в системе научно-философских представлений о мире.

Кант говорил, что и философский ум и обыденный рассудок всегда без колебаний признавали это постоянное как субстрат всякой смены явлений. Однако никто не пытался доказать положение о постоянстве субстанции; "более того, оно лишь из-

редка ставится, как это и подобает ему, во главе чистых и совершенно *a priori* существующих законов природы. В действительности положение о том, что субстанция постоянна, есть тавтология. В самом деле, именно эта постоянность есть то, на основании чего мы применяем к явлениям категорию субстанции, и доказывать следовало бы положение, что во всех явлениях есть нечто постоянное, в котором все изменчивое есть не что иное, как определение его существования" (10, 255).

Постоянство субстанции нельзя непосредственно вывести из опыта, поскольку опыт не может идти так далеко в исследовании материи, чтобы при всех изменениях и расчленениях всегда находить вещество в неизменном количестве. Невозможно это сделать и чисто логически (догматически), т.е. вывести из самого понятия о неизменности, постоянстве субстанции, поскольку вопрос относится к области априорных синтетических положений (метапринципов, говоря на современном языке). Остается, по Канту, только один способ доказательства тезиса о сохранении субстанции — трансцендентальный, суть которого состоит в простом допущении, что без принятия истинности этого положения опыт вообще был бы невозможен.

С точки зрения кантовского агностицизма, экскурс в область субстанций вообще является незаконным актом, ибо это суждения о "вещах в себе", о которых мы ничего знать не можем. Но поскольку без этого трансцендентального акта эмпирическое знание о мире было бы невозможным (мир растекался бы в неопределенную, неуправляемую массу), то действительно остается лишь один шанс — допустить тезис о сохранении субстанции в качестве рабочей гипотезы, которая принципиально не может быть верифицирована.

Это — отлучение человеческого разума от объективной истины. Выходит —

Все, что узнать успели до сих пор,
Искать не стоило и знать не стоит.
(Гете, "Фауст")

Принимая тезис о постоянстве субстанции, Кант исходит из понятия времени, которое играет в его системе фундаментальную роль и рассматривается как постоянная форма внутреннего созерцания. Он выделяет три модуса времени: постоянность, последовательность и одновременное существование. Время, в котором должна мыслиться всякая смена явлений, само сохраняется и не изменяется. Но время как таковое не может быть воспринято. Поэтому в предметах восприятия, т.е. в явлениях, должен быть субстрат, который представляет время вообще и в котором может быть воспринята всякая смена или одновременное существование. "Но субстрат всего реального, т.е. относящегося к существованию вещей, есть с у б с т а н ц и я ... Следовательно, то постоянное, лишь в отношении с которым можно определить все временные отношения явлений, есть субстанция в явлениях, т.е. реальное (содержание) явления, всегда остающееся одним и тем же как субстрат всякой смены" (Ю, 253).

Диалектическая мысль Канта раскрывает неразрывное единство понятий устойчивости (постоянства, сохранения) и изменчивости, их переход друг в друга. Невозможно представить себе какого-либо изменения, не предполагая в то же время его противоположности, т.е. сохранения, и наоборот. Говоря об изменении, мы постулируем наличие чего-то сохраняющегося. "На этом (понятии) постоянности, — пишет Кант, — основывается также и правильное толкование понятия и з м е н е н и я. Возникновение и исчезновение — это не изменения того, что возникает или исчезает. Изменение есть один способ существования, следующий за другим способом существования того же самого предмета. Поэтому то, что изменяется, есть с о х р а н я ю щ е е с я, и с м е н я ю т с я только его с о с т о я н и я. ...Мы можем высказать следующее положение, кающееся несколько парадоксальным: только постоянное (субстанция) изменяется; изменчивое подвергается не изменению, а только с м е н е, состоящей в том, что некоторые определения исчезают, а другие возникают" (Ю, 257).

Не существует (и невозможно представить себе) каких-либо "чистых" изменений, за которыми бы не скрывались моменты устойчивости, сохранения. Понятие и з м е н е н и я вообще не имеет никакого смысла, если не зафиксирована "система отсчета", по отношению к которой это изменение наблюдается. Такой "системой отсчета" может быть координатная система, связанная с какими-либо материальными телами; начальное состояние данной системы; какая-то внутренняя основа интересующего нас процесса и т.п.

На высшей ступени абстракции понятие изменения мы относим к самой материи как объективной реальности и как субстанции. "Материя является субъектом всех изменений", — писал К. Маркс, характеризуя материалистическое учение Томаса Гоббса (I, 143). При всех изменениях и превращениях, происходящих в мире, даже самых радикальных и катастрофических, материя сохраняется, т.е. не возникает из ничего и не превращается в ничто. Это значит, что материя обладает атрибутом сохранения. Движение (как изменение вообще) так же есть атрибут материи. Парадокс Канта об изменчивости постоянного подводит нас к мысли о том, что сохранение и движение как атрибутивные свойства материи внутренне связаны друг с другом. За всеобщностью изменений стоит сохраняемость материи, а эта сохраняемость представляет собой не что иное, как инвариант всех материальных изменений. Если мы постулируем тотальную изменчивость в мире, то мы с необходимостью должны постулировать и абсолютность сохранения материальной субстанции.

Всеобщность изменений в материальном мире "дополняется" абсолютностью сохранения материи и в том смысле, что идея сохранения ограничивает спектр возможных (абстрактно допустимых) изменений, относя к области невозможного все изменения, которые касались бы возникновения и уничтожения материи (а равно и самого движения). Один атрибут материи (сохранение) играет роль "запрета" по отношению к другому (движение). Атрибуты материи формулируются не сами по себе (хотя

они и независимы друг от друга), но образуют некоторую систему, а в любой системе элементы в чем-то ограничивают друг друга. Таким образом, в анализе субстанции и ее атрибутов применима идея ограничения разнообразия, высказанная У. Россом Эбби в связи с обоснованием исходных понятий кибернетики (20,171). В данном случае ограничение разнообразия связано с системным подходом, который является характерным для научного познания.

Конечно, у самого Канта диалектика изменчивости и устойчивости (сохранения) относится лишь к феноменальному бытию, т.е. к миру явлений, поскольку мир сущностей навсегда от нас скрыт ("вещи в себе"). Закономерности сохранения — это всего лишь априорные конструкции, которые допускаются из прагматических (практических) соображений, как санкция на существование опытного знания. Такая установка открывает возможность компромисса с религией в области метапринципов, т.е. самых общих взглядов на мир. Согласно Канту, принцип "из ничего ничто не может возникнуть" несколько не противоречит идее божественного творения мира. Так в одной голове мирно уживаются глубоко диалектические и крайне ретроградные идеи, относящиеся (по замыслу их автора) к одной и той же модели мира.

Идеи Канта о диалектическом единстве изменения и сохранения были подхвачены и развиты далее Шеллингом и Гегелем.

Шеллинг указывал, что природа не только течет, не только изменяется, но и задерживается в своих произведениях, в противном случае она была бы неразличима, бескачественна, и никакое эмпирическое представление о ней было бы невозможно. Устойчивость, по Шеллингу, свойственна не только предметному миру, но и нашим представлениям. Всякое истинное знание зиждется на соответствии между объективным и субъективным. Истину же нужно полагать в соответствии представлений их предметам. Шеллинг видит необходимость "перейти от знания, как такового (поскольку оно является актом), к

объективному в нем (что уже не акт, а бытие, некая устойчивость)... (12, 38).

Всякий объект является одновременно и субстанцией и акциденцией; первая пребывает, тогда как последние сменяются. "... Субстанция возникает для нас тогда, когда мы скрываемся от времени..." Субстанция "должна быть чем-то пребывающим во времени. В соответствии с этим субстанция не может ни возникнуть, ни уничтожиться. ...Значит, то, что у нас на глазах ... будет возникать, всегда окажется тем или иным определением пребывающего, но не самим пребывающим, остающимся всегда одним и тем же. В столь же малой степени можно говорить и об уничтожении субстанции" (12, 166-167). Однако Шеллинг, будучи объективным идеалистом, считает бессмысленным тезис о пребывании субстанций самих для себя; о сохранении субстанций якобы можно говорить только по отношению к "я" - интеллигенции как совокупности всего субъективного.

Интеллигенция (духовная субстанция) стремится к тому, чтобы сохранить свою тождественность на протяжении всего ряда смен. До определенного момента интеллигенция и само это изменение остаются чем-то единым. Однако "если интеллигенция стремится себя созерцать в этой изменчивости, то она должна быть противоположна последней. Но ведь изменчивость сводится к перемене состояний, стать же объектом созерцания сама изменчивость может лишь в том случае, если субстанциальное в ней будет созерцаться в виде пребывающего" (12, 207). Коротко говоря, изменчивость переходит здесь в свою противоположность - в устойчивость, которая понимается как п р е б ы в а н и е изменений и наделяется чертами субстанциальности. Интеллигенция выступает как субстанция или субъект изменчивости, благодаря чему она в состоянии отличать себя от самой смены.

В философии Гегеля диалектика изменчивости и устойчивости получила дальнейшее развитие в связи с анализом всех трансформаций абсолютной идеи. Отметим в этой связи лишь некоторые моменты. Гегель указывал, что "имеется в вещах неч-

то пребывающее, и это пребывающее есть прежде всего сущность" (13, 192). В отличие от непосредственного бытия сущность есть снятое бытие, есть то, что сохранилось и удержалось в этом снятии. Сущность выступает как единство тождества и различия, рефлексии в себе и рефлексии в иное и т.п. Так был преодолен кантовский "трансцензус", разделявший феноменальное и субстанциальное бытие.

Устойчивая основа явления представляет собой закон. Как говорит Гегель, "явление в своих сменах есть также и некоторое пребывание, и его положенность есть закон. Закон есть это простое тождество явления с собой..." (14, 604). Характеризуя категорию закона и следуя идеям Гегеля, В.И. Ленин писал: "Закон есть прочное (остающееся) в явлении"; "Закон - идентичное в явлении"; "Закон = спокойное отражение явлений" (5, 136). Мир явлений "натянут" на некоторый устойчивый каркас - систему законов, ибо в границах своей области существования законы так же неизменны, как сохраняющиеся величины в замкнутых системах.

Гегель подошел к адекватному представлению о субстанции. Согласно Гегелю, субстанция - это бытие во всяком бытии, единство бытия и рефлексии, сама непосредственная действительность как в себе и для себя сущая устойчивость. Субстанция не является простой совокупностью непосредственно данного; она не есть также нечто отвлеченное, стоящее за осуществлением и явлением (последнее характерно для спинозизма). Под субстанцией Гегель понимает "целостность акциденций, в которых она открывается как их абсолютная отрицательность, т.е. как абсолютная мощь и вместе с тем как богатство всякого содержания" (13, 252). Субстанция у Гегеля - это полнокровная, деятельная абсолютная сущность, выступающая во всем многообразии ее проявлений. Однако понятие субстанции в гегелевской системе рассматривается лишь как ступень в саморазвитии абсолютной идеи.

Понятие субстанции как самосохраняющейся сущности, вообще говоря, применимо не только к материи. К. Маркс показал нам образцы эвристического применения этой категории в анализе важнейших проблем политической экономии. Во всем многообразии товаров как меновых стоимостей Маркс увидел то общее, тождественное, что присуще всем товарам, — их стоимость, которая определяется общественно необходимым рабочим временем, потраченным на производство товара. Это общее и представляет собой субстанцию, которая не зависит от конкретных ее проявлений и при всех своих трансформациях преобразуется сама в себя. При таком подходе все товары (меновые стоимости) представляются как "кристаллы этой общей им всем общественной субстанции ..." (4,46), как некие отступки лишеного различий человеческого труда, "который образует субстанцию меновой стоимости" (2,16). В форме капитала стоимость выступает как самовозрастающий субъект или "как саморазвивающаяся, как самодвижущаяся субстанция..." (4,165). Методология Маркса (применение абстрактно-логизированного понятия субстанции в решении важнейших научных проблем) уходит своими корнями в диалектику Канта, и это обстоятельство лучше всего характеризует глубину философских построений зачинателя немецкой классической философии.

Л и т е р а т у р а

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.2.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.13.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.20.
4. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23.
5. Ленин В.И. Полн. собр.соч., т. 29.
6. Платон Соч., т.1, М., 1968.
7. Спиноза Б. Этика . Избр. произв.,т.1, М., 1957.
8. Кант И. Соч., т.1. М., 1963.
9. Кант И. Соч., т.2. М., 1964.
10. Кант И., Соч., т.3, М., 1964.
11. Кант И. Соч., т.4, ч. 1. М., 1965.
12. Шеллинг Ф.В.И. Система трансцендентального идеализма.
Т., 1936.
13. Гегель .Соч., т.1. М.-Л., 1929.
14. Гегель . Соч.,т. У. М., 1937.
15. Фейербах Л. Избр. филос.произв.,т.1.М., 1955.
16. Асмус В.Ф. Иммануил Кант, М., 1973.
17. Вентцель Е.С. Исследование операций.М., 1972.
18. Мальковский Г.П. О массе и энергии в современной физике.
Изд-во Казанского ун-та, 1961.
19. Свидерский В.И. Противоречивость движения и ее проявления.
Изд-во Ленинградского ун-та, 1959.
20. Эшби Росс У. Введение в кибернетику. М., 1959.

12

Г. ДАНЕНТИРШ

ДИАЛЕКТИКА В ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ РАБОТАХ КАНТА
/ период до 70-х гг. ХУШ в./

Одним из величайших творений классической немецкой философии является разработка ее представителями основополагающих принципов диалектического метода. Значительное место проблемам диалектики в своих трудах уделил Кант, который не только воскресил высказанные до него в истории философии диалектические идеи, но разработал ряд важных диалектических положений. Работы Канта в значительной мере способствовали развитию диалектики, которая, как известно, в систематической форме изложена в философии Гегеля и составила высшее достижение немецкой идеалистической философии ХУШ-ХІХ вв.

Классическая немецкая философия раскрыла роль и значение диалектики как метода познания мира сознания и разума, подготовила необходимые предпосылки к созданию материалистической диалектики - научного метода познания материальной действительности.

В своих философских трудах Кант опирался на диалектические элементы, которыми руководствовался при решении проблем теории познания, естествознания и других вопросов, составляющих круг исследуемых им проблем. Вопросам естествознания Кант уделял много внимания в ранний, докритический период своей деятельности и здесь особо ярко проявились диалектические и материалистические тенденции, которые составили основу его воззрений на мир и в значительной степени способствовали развитию естественнонаучных представлений философа. Важно отметить, что именно в этот период Кант ближе всего подходил к материализму и диалектике.

Кант в своей научной деятельности обратился к решению ряда фундаментальных вопросов науки. Он разработал гипотезу

о происхождении солнечной системы из первоначального хаоса вещества, наметил принципы генеалогической классификации животного мира, построил теорию замедления вращения земли благодаря приливам, исследовал историю человеческих рас. Несмотря на разнообразие тематики, общим методом в решении научных проблем в работах Канта является исторический, диалектический подход к явлениям действительности, обоснование принципа развития, эволюции в осмыслении процессов природы. Если иметь в виду господствовавший в то время метафизический способ мышления с его застывшими, неизменными категориями, то становится понятным научный подвиг Канта, который сумел преодолеть столетиями установившиеся взгляды. Все это свидетельствует о важных теоретических принципах, которыми руководствовался Кант в своих естественнонаучных исследованиях.

В нашей философской литературе эта сторона творческой деятельности Канта не получила должного отражения. В данной статье ставится задача показать роль и значимость диалектического подхода в формировании научных представлений философа.

С этих позиций, несмотря на замечание Ф. Энгельса о том, что: "учиться диалектике у Канта было бы без нужды утомительной и неблагодарной работой, с тех пор как в произведениях Гегеля мы имеем обширный компендий диалектики, хотя и развитый из совершенно ложной исходной точки" (I, 314), анализ естественнонаучных работ Канта представляет значительный интерес.

Фундаментальной работой Канта в области естествознания является "Всеобщая естественная история и теория неба", написанная в 1755 году. Здесь, как и в некоторых других работах, посвященных естественнонаучным проблемам,¹ Кант показывает действительность диалектических предпосылок в соз-

¹ "Вопрос о том, стареет ли Земля с физической точки зрения" (1754), "Новая теория движения и покоя" (1758).
"Единственно возможное основание для доказательства бытия бога". (1763).

дании научных теорий. Эти диалектические элементы рассматриваются им не в качестве ограниченного метода научного познания, а играют роль общего подхода к раскрытию закономерностей природы.

Кант исходит из того, что природа развивается в силу присущих ей внутренних причин, действующих независимо от какого-либо надматериального начала. Эта способность к развитию определяется необходимыми законами, которые определяют гармонию вещей, их взаимодействие в природе. Поэтому кажущаяся инертная и нуждающаяся в форме и организации материя стремится в процессе развития к более совершенному состоянию, причем сама материя содержит в себе этот источник развития. Но если дана материя, которая одарена способностью к развитию, то нетрудно определить те причины, которые приводят к созданию системы мира. Кант указывает: "дайте мне материю, и я построю из нее мир, т.е. дайте мне материю, и я покажу вам, как из нее должен возникнуть мир" (4. 126).

Следовательно, развивающаяся материя - вот причина, основа системы мира.

Здесь материалистические тенденции и диалектический подход обнаруживаются довольно четко.

Активный, деятельный характер природы лежит в основе всех вещей и процессов. Это принцип приобретает у Канта чрезвычайно общее выражение. Кант пишет: "Нечто подчиняется естественному порядку, поскольку его существование или его изменение имеет достаточное основание в силах природы" (4, 438). Для этого требуется: "чтобы сила природы была его производящей причиной" (Там же).

Таким образом основанием существования материальных объектов является сама природа, которая обеспечивает его бытие и развитие. Материя развивается по определенным законам и разнообразие в ее проявлениях определяет специфику материальных систем.

При этом однако необходимо иметь в виду двойственность взглядов Канта, которая проявилась в том, что признавая материальную основу природы, философ считает конечным основанием ее творца, надматериальное существо, виновника существования материи. Эта противоречивость взглядов Канта составляет важнейшую особенность его воззрений.

Кант пытается вскрыть механизм развития природы. С его точки зрения, инертная материя способна перейти в более совершенное состояние путем естественного развития, источник которого таит в себе сама действительность. В явлениях природы всеобщий характер приобретает сила движения и противодействие. Именно их взаимодействие определяет развитие материальных объектов. Это дает основание Канту сделать вывод о том, что действие будет до тех пор: "пока взаимодействие толчка и сопротивления не приведет к равновесию". (4,470).

Здесь, следовательно, признается возможность развития при наличии противоположных тенденций и их взаимодействия, что является необходимым условием развития материальных систем.

Такой подход Канта к пониманию процесса развития находит свою конкретизацию в системе мира, где взаимодействие сил притяжения и отталкивания обеспечивает образование космических систем. Процесс формирования и сохранения мироздания, с точки зрения Канта, обеспечивается действием сил притяжения и центробежных сил. При этом особая роль принадлежит силе притяжения, которая рассматривается в качестве всеобщего, универсального свойства материи, способного определять бесконечные формы существования действительности.

Притяжение рассматривается Кантом как первоначальный источник движения, предшествующий всякому движению вообще. Оно не нуждается ни в какой посторонней причине. Притяжение присуще самой материи. Кант полагал, что притяжение действует даже тогда, когда природа находится в состоянии абсолютного покоя. Поэтому именно притяжение мыслитель рас-

считывает в качестве определяющего фактора в процессе образования системы мира из рассеянного в мировом пространстве вещества.

Будучи в состоянии всеобщего рассеяния и полного хаоса, материальные элементы вселенной на основе законов притяжения начинают формироваться в вещество, а вследствие действия сил отталкивания происходит изменение характера движения материальных систем.

Всеобщее действие сил притяжения и отталкивания, их непрекращающееся взаимодействие наделяет материю взаимно противодействующими движениями, которые в конечном итоге стремясь к равновесию, образуют космическую систему. Следовательно, состояние равновесия системы рассматривается Кантом как результат взаимодействия противоположных тенденций и выражает интересные диалектические идеи Канта. Аналогичен подход философа при анализе состояния покоя материальных тел. Всякое состояние покоя может быть рассмотрено как результат действия двух противоположно направленных сил, которые выступают в качестве причин реальных движений. Поэтому: "следствие обеих этих противоположно направленных сил есть покой" (4, 418). Этим примером Кант пытается противоставить реальное противоречие действительных вещей противоречию логическому.

Таким образом противоположные стороны вещей определяют их состояние, особенности развития и нет надобности прибегать к помощи каких-либо надматериальных сил для объяснения источника их развития.

Кант стремится глубоко проникнуть в суть процессов, происходивших в период формирования мира. Им выдвигается гипотеза, в соответствии с которой делается попытка восстановить картину возникновения мироздания из первоначальной бесформенной и неупорядоченной материи. Кант предполагает, что в хаосе материи природы имелись элементы различных видов, благодаря чему нарушался покой и равновесие, которые царили бы, если бы рассеянные элементы были во

всех отношениях одинаковы. В ходе этого процесса имело место упорядочивание элементов материи и природа начала выходить из состояния хаоса там, в тех точках, где это равновесие нарушалось больше всего, т.е. в местах наиболее сильного действия сил притяжения.

Поскольку виды исходного состояния материи бесконечно различны, постольку результаты трансформации материи приобретали самые разнообразные формы. Перераспределение тел разной массы образует планетную систему.

Таким образом, элементы природы, которым присущи силы для приведения друг друга в движение, имеют источник развития в самих себе. Развитие отройной системы мира есть результат естественных свойств природы. Материя с самого начала содержит в себе собственный источник развития.

Кант пишет: "Тот импульс, который осуществил соединенные массы, а именно сила притяжения, присущая материи и потому как нельзя лучше пригодная к тому, чтобы быть первопричиной движения при первом порыве природы, и был источником этого движения" (4, 235). Следовательно, материальная причина представляет собой источник движения космических объектов в процессе становления системы мира.

Механическая природа источника движения здесь очевидна, т.к. причина движения сводится к механической силе, однако этот источник присущ самой действительности и не предполагает действие сверхъестественных причин.

Взгляды Канта по вопросу о первоначальном состоянии природы как всеобщего рассеянного первичного вещества, находящегося в механическом движении, приближается к взглядам древних мыслителей: Эпикура, Левкиппа и Демокрита. И хотя здесь имеется сходство взглядов, как это отмечает сам Кант, последний резко отмежевывается от философов отчасти потому, что у них движение вечно и не имеет никакого начала. Для Канта же акт творения Вселенной божеством носит характер аксиоматического начала, хотя этим и ограничивается

вмешательство бога в процесс становления системы мира.

Кант строит теорию происхождения планетной системы, основываясь на представлениях небесной механики Ньютона. При этом следует иметь в виду, что Ньютон кладет в основу своей теории математическое доказательство закономерностей падающих тел, т.е. акцентирует формализованный подход к раскрытию движения планет. В противовес ему Кант стремится создать физическую теорию происхождения и движения планет. С таких позиций Кант понимает силу не как вспомогательную гипотезу, имеющую чисто формальный смысл и используемую в математических конструкциях, а как подлинную реальность, формы всеобщей связи материальных объектов.

Кант предполагал, что эволюция мира шла от хаоса материи, распределенной в пространстве, к образованию порядка и гармонии в природе. Такое преобразование материи возможно, как уже отмечалось, при наличии двух сил, которые одинаково достоверны, одинаково просты и первичны: сила притяжения и сила отталкивания. Это составляет необходимое условие образования космических систем. Что касается Ньютона то им отрицалась идея происхождения планетной системы, т.к. он считал существующее состояние материи единственно возможным, тем самым абсолютизируя наблюдаемую картину мира. Эта концепция получила до Канта всеобщее признание и считалась единственно приемлемой. В этой связи Ф.Энгельс писал: "Кантовская теория возникновения всех теперешних небесных тел из вращающихся туманных масс была величайшим завоеванием астрономии со времени Коперника. Впервые было поколеблено представление, что природа не имеет никакой истории во времени. До сих пор признавалось, что небесные тела движутся изначально по одним и тем же орбитам и пребывают в тех же состояниях" (I, 47).

Именно абсолютизация качественного однообразия материи лишила Ньютона возможности ввести принцип развития в теорию образования планетной системы и в качестве единственной аль-

тернативы им выдвигается идея признания первотолчка как источника происхождения системы мира.

В основу теории происхождения планетной системы Канта кладется признание многокачественной природы материи. Первичное состояние материи качественно отличается от той, которая в настоящее время имеется в мировом пространстве. Здесь, таким образом, предполагается качественный переход от хаоса первичной материи к планетной и другим космическим системам, который может быть реализован противоположными тенденциями - путем действия сил притяжения и отталкивания.

Убежденность Канта в качественном многообразии состояний единой материи находит свое отражение в следующих его словах: "Есть полное основание предполагать, что расширение тел от теплоты, свет, электрическая сила, грозы, быть может также и магнетическая сила, - что все это только разного рода проявления одной и той же деятельной материи, разлитой по всему пространству..." (4, 449).

Кант, глубоко убежденный во всеобщности развития природы, рассматривает развитие не только как основу для понимания происхождения нашей солнечной системы, а распространяет его на бесконечную Вселенную. По его мнению, в природе неизменно происходит процесс гибели миров и систем миров, но в то же время создаются новые миры в других частях неба. Философ указывает, что природа достигнув старости на одной своей стороне: "... на другой юна и обильна новыми образованиями" (4, 215).

К такому выводу Кант приходит в результате важного предположения о том, что во всех мирах действуют одни и те же законы, которые определяют особенности развития космических объектов. Естественной основой для такого заключения является универсальность, неограниченность сил притяжения и отталкивания, которые обеспечивают все многообразие материальных систем.

Такая экстраполяция принципов механики еще раз подчеркивает механицизм концепции Канта. Однако в этих его взглядах находит свое выражение идея бесконечности и единства Вселенной. Все это свидетельствует о смелом творческом подходе к проблемам, которые в то время решались в строго религиозно-идеалистическом духе.

Интересно также отметить, что рассматривая процесс рождения и гибели космических миров, Кант не просто высказывает умозрительное утверждение, а раскрывает условия гибели системы, обосновывает критерий продолжительности ее жизни. В этой связи Кант писал: "когда какая-нибудь система мира в течение долгого периода своего существования исчерпала все разнообразие, доступное ее устройству, тогда представляется вполне уместным, чтобы она сыграла на сцене текущих изменений Вселенной последнюю роль, подобающую всякой конечной вещи, а именно отдала дань бренности" (4, 214).

Таким образом, когда система не является более необходимой, или говоря словами Гегеля, разумной, когда она своим существованием препятствует дальнейшему развитию действительности, она гибнет и ей на смену приходит новое материальное образование, которому принадлежит будущее.

Трудно сказать, в какой мере Кант способствовал развитию диалектических принципов гегелевской философии, однако диалектическая идея прослеживается здесь весьма четко.

Это принцип приобретает у Канта чрезвычайно общий характер. Он используется не только при анализе явлений неорганической природы, но распространяется на процессы животного и растительного мира. Поэтому вполне закономерна мысль Канта о том, что: "Все, что конечно, что имеет начало и происхождение, несет на себе признак своей ограниченной природы: оно должно пройти и иметь конец" (4, 212). И далее: "По-видимому, этот конец, predeterminedный мирам, как и всем вещам в природе, подчинен некоторому закону, рассмотрение которого дает новое доказательство серьезности нашей теории" (4, 214).

По сути дела здесь выдвигается момент самоотрицания как важный элемент в диалектической концепции развития Канта, который имеет основополагающее значение в его теоретических изысканиях. Эта же мысль формулируется Кантом в весьма общей форме и приобретает характер всеобщего закона развития действительности. В своей работе "Вопрос о том, стареет ли Земля с физической точки зрения", Кант пишет: "Все предметы природы подчинены следующему закону: "тот же механизм, который вначале работал над их совершенствованием, продолжая менять вещь и после того как она достигла своего совершенства, постепенно лишает ее благоприятных условий и в конце концов незаметно доводит ее до полной гибели"(4, 98).

В своей теории неба Кант придает большое значение принципу взаимосвязи материальных объектов. Этот принцип в трудах Канта приобретает чрезвычайно общий характер, сводится на уровень философских положений, выполняя важную методологическую роль при решении частных проблем науки. Степень общности этого принципа философ выразит следующим образом: "все во всей природе связано в непрерывной цепи последовательности вечной гармонией, соединяющей друг с другом все звенья"(4, 258).

В другом месте он пишет, что благодаря естественной связи вещей: "совершенные цели достигаются наиболее правильным путем без каких-либо особенных чудес"(4, 144).

Кант полагает, что всеобщая связь вещей в природе обеспечивает порядок, красоту и гармонию мира. В какой-то мере наблюдается стремление мыслителя показать объективную взаимосвязь вещей, их независимость от бога. Однако согласованность различных объектов обеспечивается в конечном итоге бесконечным разумом, в котором начертаны существенные свойства всех вещей в их взаимной связи. Здесь двойственность взглядов Канта проявляется довольно отчетливо.

Однако отвлекаясь от этого мистического начала, Кант вводит идею взаимосвязи в самую суть своих научных исследований и это приводит его к важным заключениям.

Всеобщность взаимосвязи материальных объектов основывается на универсальности притяжения, т.к. именно оно обеспечивает взаимосвязь различных частей природы. Поэтому Кант рассматривает притяжение как форму проявления взаимосвязи.

Взаимосвязь Солнца и планет не носит исключительный характер в мироздании и является выражением закономерности мира, распространяется в беспредельное пространство, образуя все новые системы миров высшего порядка. "Мы видим, — пишет Кант, — что в бесконечной дали существует еще много таких звездных систем и что вся беспредельная Вселенная имеет характер системы и части ее находятся во взаимной связи" (4, 143).

Интересно отметить, что здесь Кант пользуется методом экстраполяции, перенося идею взаимосвязи, присущей отдельным материальным образованиям, на мир в самом широком смысле слова.

Кант по этому поводу пишет: "Распространяется ли в таком случае та присущая системе связь, которую мы выше усмотрели у каждой части в отдельности, и на целом, охватывает ли она всю Вселенную, всю природу в одну единую систему путем взаимодействия силы притяжения и центробежной силы? Я отвечаю: да" (4, 205).

В своих трудах Кант часто употребляет понятия "система", "системное устройство мироздания". Понятие "система" является выражением взаимосвязи космических тел. Поэтому взаимосвязь объектов является условием проявления их системности. Это дает возможность с другой стороны подойти к рассмотрению всеобщего характера взаимосвязи вещей в природе, т.к. системность мира является у Канта общепризнанным подходом в исследовании космического пространства. Системное представление мира приводит Канта к признанию бесконечности Вселенной, т.к. взаимосвязь миров высшего порядка распространяется на бесконечность. Кант пишет:

"Можно было бы еще предположить, что и эти миры высшего порядка каким-то образом связаны друг с другом и благодаря этой взаимной связи в свою очередь образуют еще более необъятную систему" (4, 149). И далее: "Здесь нет конца; здесь бездна подлинной неизмеримости, перед которой бледнеет всякая способность человеческого понимания, хотя бы и подкрепленного математикой" (4, 150). Кант преодолевает господствовавшие представления о конечности и замкнутости мира. Им утверждается мысль о бесконечности Вселенной в пространстве и во времени. Процесс упорядочения первичного вещества мира никогда не прекратится, а следовательно развитие системы мира не имеет конца. Эти идеи развиваются Кантом весьма настойчиво, они обосновываются богатым естественнонаучным материалом. Однако развивая теорию бесконечного мира, Кант неизменно сохраняет веру в совершенном сверхъестественном акте творения как изначальной причине всего сущего, пронизывающей порядок развития мира.

Кант исходит из господства в природе необходимых законов, которые управляют развитием материи. Стройная система мира является результатом естественных сил природы, которые действуют в соответствии с этими законами.

Стремление Канта в ранних работах, посвященных в основном естественнонаучным вопросам, объяснить развитие мира по естественным законам, независимым от надматериальных причин, заслуживает высокой оценки и является выражением его диалектических и материалистических тенденций.

Рассматривая проблему о необходимом характере действия законов природы, Кант указывает: "И таким образом все механические изменения мира, т.е. необходимые по законам движения, должны всегда быть хороши потому, что они естественно необходимы, и стало быть, следствие не нуждается в поправках, коль скоро оно неизбежно в соответствии с естественным порядком" (4, 445).

Следовательно, события природы необходимы в силу присутствующей ей законов. Не нужны надприродные причины для объясне-

ния явлений действительности. В основе гармонии вещей, их взаимодействия, согласия между собой лежат законы развития самой действительности.

Придавая большое значение необходимому характеру действия законов природы, Кант критически оценивает попытки Лукреция объяснить образование мира случайными движениями атомов. В равной мере Кант выступает против взглядов Эпикура, в соответствии с которыми признавалось беспричинное отклонение атомов от прямолинейного движения для их взаимодействия и образования материальных систем. Кант не допускает попытки ряда древних философов объяснить происхождение живых существ посредством слепого случая. В противовес этим догадкам Кант со всей решительностью заявляет: "Я считаю, наоборот, что материя подчинена некоторым необходимым законам. Я вижу, как из ее состояния полнейшего разложения и рассеяния вполне естественно развивается некое прекрасное и стройное целое. И происходит это не случайно и не вслепую, а, как мы видим, необходимо вытекает из естественных свойств" (4, 123-124).

Однако Кант видит конечную первопричину мира все-таки в боге. Именно он наделил природу таинственной способностью само собою подняться из хаоса к совершенному устройству мира. Бог заложил в природу способность к совершенствованию, к созданию порядка и гармонии в мире. В том факте, что даже в состоянии хаоса природа может действовать только правильно и слаженно, Кант видит основание для доказательства бытия бога. Поэтому неудивительно, что Кант переносит в свои работы идеи тех философов, которые видели в основе мира проявление божественного начала. Так, в частности, находят отражение идеи Лейбница, которые в интерпретации Канта получают следующее выражение: "Все, что находится во взаимной гармонии, должно быть связано друг с другом в одной сущности, от которой оно зависит. Стало быть, имеется сущность всех сущностей, бесконечный разум и самостоятельная мудрость, откуда природа со всеми

своими возможностями и свойствами берет свое начало " (4, 229).

Таким образом Кант в своей философской системе ограничивает разум человека, оставляя место вере.

Чрезвычайно важно, однако, иметь в виду то обстоятельство, что в докритический период своей творческой деятельности Кант в значительной мере ограничивает всеобщий характер и компетенцию божественных сил и тем самым сохраняет независимость законов функционирования естественных сил природы. По сути дела Кант в этот период сохраняет за богом акт создания Вселенной и этим ограничивает его вмешательство в дела природы, которая далее развивается по своим собственным законам. Здесь со всей очевидностью проявляется дуализм философии Канта. В этой связи интересна мысль В. Асмуса о том, что Кант отделяет естественный процесс развития мира от сверхъестественного вмешательства бога, действия которого существенно ограничиваются, но не устраняются. Автор пишет: "бог исключается из мира как его непосредственный строитель, но сохраняется в качестве творца и мироправителя" (5, 2, 64). Это ограничение функции божественных сил в процессах природы и признание суверенности законов развития мира находит свое выражение при рассмотрении конкретных философских и естественнонаучных проблем. Кант справедливо высказывает убежденность в необходимом характере действия законов природы, которые не нуждаются в непосредственном вмешательстве надматериальных сил. Однако признание божественного начала неизменно довлеет в его высказываниях: "Там, где природа действует по необходимым законам, ее действия не нуждаются в поправках, исходящих непосредственно от бога, ибо, поскольку следствия необходимо вытекают в соответствии с естественным порядком, никогда не может даже по самым общим законам произойти что-либо неугодное богу " (4, 445).

Таким образом ценные диалектические предположения, насущные материалистическим содержанием, переплетаются с несовместимыми утверждениями об определяющем значении божественного воздействия на развитие мира.

Стремление Канта в ранних работах ограничить всеобщий, универсальный характер божественного воздействия и тем самым сохранить независимость действия законов природы получает подчас весьма образное выражение. Кант пишет: "Мое настоящее намерение состоит лишь в том, чтобы всем этим показать, что за вещами природы следует признать большую возможность порождать свои следствия по всеобщим законам, чем это обычно делается" (4, 452). Эта попытка придать самостоятельность и независимость явлениям природы, ограничив "божественный произвол", выражена Кантом в его ссылке на слова Вольтера. Последний с насмешкой выступал против тех, кто во всем, большом и малом, видели действия бога. Поэтому Кант указывает: "Нужно остерегаться навлечь на себя справедливую насмешку Вольтера, который в подобном же стиле высказывается: "подумайте, на что намось? Без сомнения, для того, чтобы надевать на них очки. Ссылка на божественный произвол еще не достаточное основание для того, чтобы решить, почему именно те средства, которые были бы нужны для достижения только одной цели, могут быть полезны и в столь многих других отношениях" (4, 470).

Божественные силы необходимы для реализации акта творения, сам же процесс развития предполагает действие внутренних причин, присущих самой природе. Стремление Канта обосновать естественный путь образования планетных систем, ограничивая действие божественных сил, находит четкое выражение также и в следующих его словах: "Пусть те, кто не считает возможным признать механическое происхождение небесных тел, объясняют, если могут, это удивительное совпадение непосредственной волей бога. Я же не буду

больше приводить доказательств для обоснования столь не-
сомненной истины, как развитие мироздания из сил природы”
(4, 241).

Работы Канта раннего периода его деятельности дают ос-
нование сделать вывод о том, что выдающийся немецкий фило-
соф стоял на позициях естественноисторического материализ-
ма, насыщенного диалектическими идеями. Стремление прими-
рить естественнонаучные представления с религиозно-идеа-
листическими догматами привели Канта к признанию божест-
венного первотолчка в качестве первопричины мира. Эта
двойственность философия Канта не может затмить прогрес-
сивные стороны его взглядов, которые были высоко оценены
классиками марксизма-ленинизма и широко использовались ими
в борьбе против идеализма и метафизики за утверждение диа-
лектико-материалистических воззрений на мир.

Л и т е р а т у р а

1. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1948.
2. Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1953.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений.
4. Кант И. Сочинения. Т. I. М., 1963.
5. Асмус В.Ф. Избранные философские труды. М., 1971.

С о д е р ж а н и е

Лиешинь Э.К. Категории "субстрат" и "субстанция" как ступени познания	3
Нахарь Л.И. Об активности образа.....	20
Ведин И.Ф. О гносеологической природе истинного познавательного образа	39
Никифоров В.Е. Методы унификации термина "модель" и выработка обобщенного определения моделирования	60

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИММАНУИЛА КАНТА

Ведин Ю.П. Учение Канта о чувственном опыте	80
Марков В.А. Диалектика изменчивости и устойчивости в работах И.Канта	107
Даненгири Г.М. Диалектика в естественнонаучных работах Канта /период до 70-х гг. XVIII в./	125